

МАГ

ПОЛУНОЧИ

Он стоял, белый и непоколебимый, скорее рожденный, чем высеченный из единой скалы, возникший вдруг, в неведомом никогда, на той земле, где сходятся крайности, тьма становится светом, сила — слабостью, уродство — красотой, неподвижность — мудростью, где время не имеет силы, а ночь перетекает в день на берегах реки бесконечности, в пустыне застывших желаний и мертвых грез. Он стоял там, когда нашего мира не было, и останется стоять, когда его не будет. Даже посвященные не говорят о нем, ибо бесполезно говорить о том, что было всегда и что равнодушно к нашему вчера, сегодня и завтра. О том, для чего сон и явь, ночь и день, мужчина и женщина, ребенок и старик, жар и холод, жизнь и смерть — суть неразличимое одно.

Он — Храм Вечного Ристалища...

Тибидохс. Кабинет Сарданапала

*Через три года после рождения Тани Гроттер
и за семь лет до ее появления на о. Буяне*

В камине главы Тибидохса Сарданапала Черноморова пылал огонь. Питекантроп Тарарах на корточках сидел у камина и жарил шашлык, нанизанный на шпагу. Мясо вкусно скворчало и постреливало каплями жира.

— Оно, конечно, баранина ничего, да только все равно с мамонятиной какое сравнение — слезы одни! — ворчал Тарарах. — А на чем я жарю? Семь магов в школе, все головастые — жуть, один даже академик, и хоть бы кто удосужился нормальные шампуры наколдовать. Спасибо, я годков двести назад у маршала Даву шпажонку отобрал. Хорошая шпажонка — аккурат на двенадцать кусков.

Тарарах не преувеличивал. В кабинете академика действительно находились все семь тибидохских преподавателей — сам Сарданапал, Великая Зуби, Ягге, Поклеп, Медузия, Соловей О. Разбойник и профессор Клопп. Причем находились по поводу, который никак нельзя было назвать приятным.

Усы Сарданапала безнадежно подрагивали. Их бунтующие кончики крепко держал на затылке золотой зажим. Это был верный признак, что глава школы Тибидохс настроен на серьезный лад.

— У меня две новости: плохая и омерзительная. С какой начать? — спросил академик.

— Сарданапал, пожалей старуху. Начни с плохой. Я заканчиваю вязать Ягунчику шапку. Если сейчас ошибусь — придется много распускать, — осторожно заметила Ягге, поднимая глаза от спиц.

— Но-но, не скромничай! Не старьте старых стариков, они моложе молодцов! Забыла, как заговаривать спицы, чтобы они вязали сами? — улыбнулась Великая Зуби.

— Мой Ягунчик не любит наколдованные шапки. Он говорит, что у него в них уши не помещаются, — возразила Ягге.

Маленький Ягун, живой как ртуть, был любимчиком бабуся и большой проблемой всего остального Тибидоса. На месте он не мог усидеть вообще. Пару раз его снимали с пылесоса на подороге на Лысую Гору, а один раз нашли у Жутких Ворот, которые он пытался открыть гвоздиком, используя его как отмычку. Помешал пустяк: гвоздик оказался на сантиметр короче.

— Да, уши у Ягунчика редкостные. Не удивлюсь, если мальчишка будет хорошо играть в драконбол. Они позволят ему недурно планировать и закладывать крутые повороты, — кивнул Соловей О. Разбойник.

Сарданапал укоризненно кашлянул:

— Сегодня утром я закончил кое-какие расчеты. Через три дня, в пятом часу вечера, произойдет полное солнечное затмение. Оно продлится семь с половиной минут — астрономически максимально возможный срок для солнечного затмения. Здесь, на Буяне, мы ничего не увидим. Зато Москва полностью окажется в черной тени. От одной окраины до другой. На семь с половиной минут город провалится во Мрак...

Тарарах слизнул с пальцев жир и присмотрелся к мясу:

— В своей жизни я видел кучу затмений. И никогда ничего... Разве что как-то в палеолите бойкий парнишка из соседнего племени воспользовался паникой и стибрил у меня отличный каменный топор.

— Тарарах, затмение, о котором я говорю, не заурядное. О нем предупреждал еще Древнир. А Древнир не был склонен к пустой панике, — заметил Сарданапал.

— Насколько я понимаю, затмение — это и есть обещанная плохая новость. А теперь омерзительную. Я начинаю входить во вкус! — усмехнулась Медузия.

— Вот и она. Его назовут Мефодием Буслаевым. Он появится на свет спустя две минуты после того, как скроется солнце. Древнир не сомневался, что у мальчишки будет дар.

— Многие младенцы постучатся в дверь мира в эти семь с половиной минут. Возможно, дар будет у кого-то другого, — резонно возразила Медузия.

— Нет, Меди. Я убежден, что дар будет именно у него. Слишком много совпадений. Расположение звезд, место и время рождения, затмение и, главное, кровь. В роду у мальчишки было немало волшебников. В Средние века одну из его прапрапра сожгли на костре. Она насылала на своих соседей чуму взглядом и делала это чаще, чем требует обычная вежливость.

— А есть какая-то надежда, что Мефодий Буслаев не осознает своего дара? — осторожно спросила Медузия.

— Надежда умирает последней. Однако в данном случае она скончалась еще до появления мальчугана на свет, — мрачно пошутил академик.

Сарданапал встал и, не глядя ни на кого, стал прохаживаться по кабинету.

— Белые маги? Чудесно! Черные маги? Замечательно!.. Но мы забыли о тех, чьи силы во много раз превосходят нашу ворожбу и наши заклинания! О тех, кто древнее египетских пирамид! О стражах Мрака! О стражах Света! Вот кому нужен его дар! — убежденно произнес он.

— Но Сарданапал! Наверно, ты преувеличиваешь. Возможно, стражи Мрака ничего не знают о Мефодии Буслаеве, — осторожно сказала Великая Зуби.

Поклеп Поклепыч и профессор Клопп обменялись ироничными взглядами.

— Они знать о мальчишке все, если его дар стоить хотя бы один копейка! — пробурчал Клопп.

Зажим соскочил с усов Сарданапала, и они запрыгали, дирижируя невидимым оркестром.

— Да, профессор, да и еще раз да! Последние столетия все мы были преступно халатны! Волшебные книги, заклинания, драконбол, свары с древними божками, не желающими угомониться, — это и стало нашим миром. Но при этом... — тут академик снизил голос до шепота, — зачем обманывать себя? В день, когда родится мальчишка, проклятая пружина вновь начнет закручиваться, чтобы через тринадцать лет... Не хочу даже думать об этом.

— Стражи Мрака... — задумчиво сказала Медузия. — Представить только, что было время, когда я не видела разницы между магами и стражами. А потом поняла. Маги — белые ли, черные — не зависят от лопухоидов. Их мир существует отдельно, наш — отдельно. Мы не вмешиваемся в его историю и лишь стремимся, чтобы лопухоиды не узнали о нас. Совсем другое дело стражи Мрака. Им лопухоиды необходимы... Их мысли, их чувства, их эйдосы. Особенно эйдосы...

Поклеп мрачно посмотрел на нее:

— Точно, Медузия! Между простыми магами, такими как мы, и стражами Мрака чудовищная разница... Как между курами и индюками. Одни летают, а другие... других летают...

— Это потому, что мы, даже черные, такие как Клопп и Зуби, не подпитываемся силой эйдосов, — сказала доцент Горгонова.

— Если отбросить в сторону мораль, отказ от использования эйдосов имеет свои минусы. Дар каждого мага — белого или черного — задан изначально. Можно научиться владеть им, можно выучить несколько сотен заклинаний, но с годами сам дар не станет больше, разве что слегка отточится. Возьмите хоть наших учеников. Среди них есть сильные маги, а есть и такие, которые только и умеют что заставить табурет выбросить почки и зацвести. И таких мы тоже вынуждены брать! — хмыкнула Ягге.

— А кольцо? А артефакт? Разве они не усиливают дар? — наивно спросил Тарарах.

Соловей О. Разбойник рассмеялся:

— Усиливают. Но лишь до тех пор, пока ты ими владеешь. Артефакт — это как дубина у питекантропа. Делает ли она его сильнее?

— Еще как! Уж я-то знаю! Особенно если хорошая попадется. Вся гладкая, ровная, а на конце чтоб с утолщением. Сучок или там чего еще, — заверил его Тарарах. Глаза его затуманила ностальгия. — По мне, так: врежешь дубиной — мало не покажется. А при чем тут эйдосы? Что это вообще такое?

— Эйдосы — это то, что стражи Мрака стремятся заполучить в свои дархи, чтобы стать сильнее! — пояснила Великая Зуби.

Тарарах хмыкнул:

— Класс! Я тебя обожаю, Зуби! Ты умеешь все так понятно разложить по полочкам. Представь, я не знаю, что такое «мышь», и спрашиваю тебя. Ты отвечаешь: «Милый Тарарах, мышь ловят мышеловкой». — «А что такое мышеловка?» — спрашиваю я. «Мышеловка требуется для ловли мышей». Теперь я понимаю, почему твои ученики боятся твоих уроков до дрожи.

— Эйдос, за которым охотятся стражи Мрака, — это ядро, суть одухотворитель материи, билет в вечность, ключ к бессмертию, душа — то есть самое главное и важное, что есть у каждого лопухоида, у нас с вами и даже у Ягге, хоть она и богиня. У каждого только один эйдос, и это единственное, что нельзя подделать или скопировать с помощью магии. Лопухоид, потерявший жизнь и тело, но сохранивший эйдос, не теряет ничего. Но человек, утративший эйдос, теряет все, даже если его тело, разум и жизнь вне опасности, — пояснил Сарданапал.

— М-м-м... И как это выглядит? — спросил Тарарах.

— Да никак. Эйдос не имеет ни веса, ни формы. Или имеет. Маги спорят об этом уже несколько тысяч лет. Авессалом Приплюснутый считал, что эйдос — это невидимый драгоценный камень, который в тысячу раз ценнее любого алмаза, даже самого крупного. Экриль Мудрый был уверен, что это второе, главное — сердце, которое управляет биением первого сердца. Гуго Хитрый туманно утверждал, что эйдос — это «то *есть*, которого *нет*». Другими словами, эйдоса не существует до тех пор, пока его существование не будет осознано каждой конкретной личностью. Только тогда он появляется. Однако большинство ученых, к которым относится и ваш покорный слуга, сходятся во мнении, что эйдос есть у каждого, вне зависимости от того, осознает он это или нет. Эйдос похож на маленькую голубоватую искру или песчинку. Эта ис-

кра имеет огромную, ни с чем не сравнимую силу, именно она приобщает нас к вечности и не оставляет после смерти в гниющей плоти. Эйдос — вечная частица бытия, часть Того, Кто создал нас словом. Его не уничтожит ни дивизия горгулий, ни атомный взрыв, ни гибель Вселенной — ничто. И такую силу имеет даже один эйдос!

Именно этим и промышляют стражи Мрака. Чем больше эйдосов в дархе каждого стража — тем больше его возможности и, следовательно, тем выше он стоит в иерархии среди своих. Стражей нисколько не заботит, что вместе с эйдосом они отнимают у лопухоида вечность. Для них это предмет охоты — не более того.

— Они отнимают эйдосы силой?

— Силой эйдос отнять невозможно. Но эйдос можно отдать добровольно. Можно подарить, или продать, или обменять на алмаз, на царство, на яблочный огрызок — кто во что его оценит. С этим уже ничего не поделаешь. За сотни лет миллионы лопухоидов уже расстались со своими эйдосами, перекочевавшими в дархи к стражам Мрака, — с грустью сказал Сарданапал.

— А стражи Света? Им эйдосы не нужны? — спросил питекантроп.

— Стражи Света призваны охранять эйдосы смертных, но не похищать их! Они не зачеркивают чужую вечность. Древнир, как он ни был велик, никогда не покушался ни на один эйдос. Хотя порой мне кажется, что он был не простым белым магом. Я думаю, что...

— ...он был одним из стражей Света? — закончил Поклеп.

— Возможно, — уклончиво ответил Сарданапал. — Стражи Света редко кричат о себе во всеуслышание. Они уважают свободу выбора и предпочитают роль наблюдателей.

— Но чем так опасен этот мальчишка, Сарданапал? Почему мы должны бояться Мефодия Буслаева?

Сарданапал сел за стол и, окунув в чернила гусиное перо, сделал на бумаге замысловатый росчерк:

— Что вы знаете о Древнире? Не как о мудрейшем маге, основателе Тибидохса, но как о человеке из плоти и крови? Немного, не правда ли?

— Очень немного. Он не любил смешивать дела и частную жизнь. Да и вообще, когда я с ним познакомилась, он держался очень отстраненно. Мог пройти в полуметре от тебя и даже не заметить. Было похоже, что все его мысли где-то в астрале, — сказала Медузия.

Академик кивнул:

— Примерно так дело и обстояло. Особенно в последние годы, когда Древнир достиг такого прозрения, что видел и прошлое, и будущее. А когда одновременно видишь и прошлое, и будущее, на настоящее времени как-то не хватает. И ты, разумеется, не знала, что у Древнира был сын?

— Я — нет, — пожала плечами Медузия.

— А я знала. Но вот что с ним стало, мне неизвестно. Древнир никогда не упоминал об этом, — сказала Ягге.

— Это случилось осенней ночью в последний год магических войн, — начал рассказывать Сарданапал. — Мир так переполнился злом, что стал уже уставать. Древнир и его сын возвращались после какой-то встречи. Так случилось, что они вдвоем оказались в глухом лесу. И внезапно на них напали. Нежить и стражи Мрака окружили их сплошной стеной. Нельзя было ни телепортироваться, ни позвать на помощь, ни использовать заклинания — нападавшие все предусмотрели и запаслись сильными артефактами. Тогда Древнир глубоко вонзил свой меч в дерево. Магия его меча, магия дерева и магия земли, с которой дерево было связано корнями, объединились, и

вокруг ствола образовалось узкое кольцо света. Древнир и его сын стояли в сияющем круге, вокруг которого толпились нападавшие. Нежить суетилась, лезла друг на друга, давила передних, но не могла пробиться внутрь круга. Стражи Мрака были умнее. Они встали поодаль и, не пытаясь пробиться внутрь, спокойно стояли и ждали своего часа. Они знали, что внутрь круга им все равно не прорваться и самое мудрое — не расходовать понапрасну силы. Так прошло два дня и две ночи. Нежити становилось все больше. Она облепила круг со всех сторон, даже копошилась внизу, под землей. Стражи Мрака все еще были тут. Они спокойно сидели на земле и ждали. Тут были все лучшие их бойцы — горбун Лигул, мечник Арей, Хоорс и другие. Они надеялись, что их час наступит. Древнир с сыном спали по очереди, ломая голову, как подать сигнал и позвать на помощь остальные силы Света. И вот на третью ночь, уже перед рассветом, когда Древнир, дежуривший до того, заснул, мечник Арей оскорбил сына Древнира и бросил ему вызов. Арей поклялся нерушимой клятвой Мрака, что они будут биться один на один, и если сын Древнира победит, то его и отца отпустят. Сын Древнира, очень горячий и молодой, принял вызов. Он вытащил из дерева меч отца, не заметив, что его кончик обломился и остался в дереве, и сделал шаг из круга...

— И тут нежить набросилась на него? — взволнованно спросил Тарарах.

Забыв о шашлыке, горячий питекантроп взмахнул шпагой маршала Даву, забрызгав профессора Клоппа горячим жиром.

— Ви сбрендиль с ума! Ви метать в меня ваш скверны шашлик! — завизжал Клопп.

— Нет. Я думаю, что бой действительно был честным. Арею не было смысла нарушать клятву, да это и не

в его правилах, — продолжал Сарданапал. — Арей и сын Древнира рубились, уставший же Древнир спал внутри круга, ничего не видя и не слыша. Думаю, что его сон был усилен чарами магов Мрака. Сын Древнира хорошо владел клинком, но все же не так, как лучший меч стражей Мрака. Не прошло и минуты, как Арей обезглавил сына Древнира и пролил его кровь на землю... Нежить, почуяв кровь, совсем сорвалась с катушек. Она набросилась на спящего Древнира, но не смогла убить его — магический круг хотя и ослаб, но все же сохранился, ведь кончик меча остался в стволе дерева... Спустя день отряд белых магов, обшарив все окрестности, нашел Древнира. Я тоже был там, в том отряде. Древнир все еще находился во власти сонных чар. Никого из серьезных стражей Мрака там уже не было. А нежить довольно быстро разогнали, и она, урча, расплзлась по норам и оврагам... Древнир сам похоронил то, что нежить оставила от его сына. В полном одиночестве вырыл могилу кинжалом.

— Я ничего не знала. Странно, что об этом никогда не говорили, — сказала Медузия.

— Об этом знали только самые близкие ученики и друзья Древнира. Он взял с нас клятву молчать. Я не нарушил бы ее и сейчас, если бы не видел в этом острой необходимости, — сказал Сарданапал.

— Действительно, при чем тут сын Древнира и этот мальчишка, Буслаев? Что их связывает? — поправляя очки, спросила Зубодериха.

Академик с укором посмотрел на нее:

— Ты спешишь, Зуби. Связи магического мира слишком сложны, чтобы их можно было постичь поверхностным взглядом. Меч Древнира пропал. Его поднял с земли и унес горбун Лигул, бывший там с Ареем. Этот Лигул, некогда близкий друг Арея, уже тогда начинал завидо-

вать ему и мало-помалу стал лютым врагом. Но и другом в какой-то мере он остался тоже. Есть такая вариация на тему человека, называется «заклятый друг». Какое-то время спустя Лигул нашел способ, как сделать сильнейший артефакт Света артефактом Тьмы. Для этого он провел меч Древнира через множество преобразений, в каждом новом преобразении делая его чуть хуже и темнее, чем он был раньше. Однако это происходило так постепенно, что сам меч не замечал перемен. Он побывал и копьем, и огненным хлыстом, и стременем, и кольцом, и черным кинжалом. Во всех своих воплощениях он сеял смерть и унес множество жизней. Но эти превращения артефакта были лишь частью пути. В финале он вновь станет мечом Древнира, но мечом, превратившимся в свою противоположность. Мечом Тьмы... Не знаю, прошел ли меч все преобразования и у кого он теперь. Не исключено, что все еще у Лигула. Уж не надеется ли горбун с его помощью попасть в Храм Вечного Ристалища, расположенный в Срединных землях между Эдемом, где обитают стражи Света, и Аидом, где находится Канцелярия стражей Мрака? Да только едва ли даже мечу Древнира это по силам.

— Храм Вечного Ристалища... Храм, над которым не имеют власти ни Свет, ни Тьма... Храм настолько древний, что все цивилизации Земли лишь песок у его подножия, — мечтательно повторила Ягге. — Как же, как же, бывала я там. Безумно давно. Тибидохса тогда не было и в помине, а Буян только высунул свою макушку из вод океана... Срединные земли, где-то между Эдемом и Аидом! Глупый лопухойд, вздумавший найти их на глобусе, только испортил бы зрение, а между тем Срединные земли гораздо реальнее, чем все их континенты. Вообразите огромную равнину — белый от солнца песок, сероватые островки почвы с дюжиной чахлах деревьев и камни, ко-

торые торчат из земли под немислимыми углами. Камни стоят тесно, словно образуя коридор. Идешь между камнями как по спирали — полетной магии там нет, — и внезапно взгляд натывается на колонны. И ты понимаешь, что перед тобой нечто более древнее, чем магия, древние и мудрее, чем даже Свет и Тьма. Нечто такое, над чем никто из ныне живущих не имеет власти.

— Как египетские пирамиды? — спросил Соловей О. Разбойник. Он, хоть и отлично играл в драконбол, путешествовал мало, а в прежние годы и вовсе безвылазно сидел в родной Мордовии, подкарауливая в лесах мимохожих-мимоезжих.

Ягге поморщилась:

— Египетские пирамиды в сравнении с Храмом Вечного Ристалища — это так, большая фантазия на тему вертикального гробика... Ты идешь еще несколько часов, а Храм все не приближается — или приближается так медленно, что ты этого не замечаешь. А потом вдруг — не менее внезапно — ты оказываешься рядом. Двери Храма всегда распахнуты. Ты можешь подойти совсем близко и увидеть пол — черные и белые мраморные квадраты. С другой стороны видна еще дверь, она чуть приоткрыта, но не настолько, чтобы можно было увидеть, что за ней. А искушение велико. Тебя охватывает уверенность, что там, с другой стороны, лежит что-то безумно важное, нечто такое, перед чем тускнеют все наличествующие и утраченные артефакты... Нечто такое, ради чего те, кто жил до Мрака и Света, те, для кого магия была естественна как дыхание, и построили этот колоссальный Храм.

— А нельзя просто подойти и заглянуть? Или использовать удаленное зрение? — спросила Медузия.

Спицы в руках у Ягге описали укоризненный полукруг.

— Медузия, дорогая, хоть это и случилось безумно давно, но я уже тогда была далеко не наивная девочка и знала о магии достаточно. Какие только варианты я не перепробовала! Телепортация, полет, все виды зрения, дистанционная интуиция... Бесполезно.

— Ты не смочь, а Мефодий Буслаев суметь? — надувая щеки, спросил профессор Клопп.

Сарданапал сострадательно посмотрел на его крысиною жилетку:

— Возможно, Зиги... Все возможно. Мефодий Буслаев, который ощутит свой темный дар, получит плащ, пройдет в день своего тринадцатилетия лабиринт мраморных плит, войдет в приоткрытую дверь и, взяв то, что оставлено там древними, передаст это стражам Мрака. Относительное равновесие между Светом и Мраком будет нарушено. Мрак разом прорвется из всех щелей, как вода прорывается сквозь гнилое днище корабля. Тысячи эйдосов, которые ныне защищает Свет, будут похищены Мраком. От того, сумеет ли Мефодий Буслаев совладать с той Тьмой, что изначально заложена в нем, зависит все.

Огонь в камине полыхнул и погас. Тяжелые бархатные шторы надулись при полном безветрии, как корабельные паруса. Две древние черномагические книги в клетке заматались и, внезапно обратившись в пепел, осыпались сквозь прутья на ковер.

Ягге подняла глаза от спиц.

— Ну вот, так я и знала!.. Петля сорвалась. А я ведь почти закончила, — сказала она с сожалением.

— Мефодий Буслаев! Он еще не родился, а Мрак уже предчувствует его рождение, — произнесла Медузия.

— Мефодий Буслаев... Мы будем пытаться как-то повлиять на него? Выйти с ним на контакт? Взять, наконец, в Тибидохс? — хрипло спросила Великая Зуби.

Борода Сарданапала сделала волнообразное движение.

— Ты что, Зуби? Этого мальчишку — и в Тибидохс? С его-то даром? Нет, дорога в Тибидохс ему навсегда заказана. Мы даже не сможем вмешаться, ибо дела Света и Мрака неподвластны нам, элементарным магам. Мы будем наблюдать за мальчишкой издали — не более. В таких делах любой осторожности будет мало... И запомните: никто в Тибидохсе, кроме нас с вами, не должен ничего знать о Мефодии! НИ ОДИН УЧЕНИК! В ближайшие двенадцать лет во всяком случае! Я требую, я настаиваю, я, наконец, приказываю, чтобы все принесли клятву!

— Сарданапал, а какой именно дар у мальчишки? Я знаю, что темный, но как он проявится на этот раз? — спросил Тарарах. — Ведь формы его бесконечны!

Глава Тибидохса устремил на питекантропа пылкий малоазиатский взор:

— Точно не знаю, Тарарах. Я могу лишь догадываться. И если это то, о чем я думаю, то это ужасно. Так ужасно, что я предпочту умолчать. А теперь клянитесь! Ну же! Я хочу, чтобы вы все произнесли *«Разрази громус!»*.

Полыхнуло несколько искр — красных и зеленых. Поклеп, Медузия, Ягге, Великая Зуби, профессор Клопп... Сарданапал, внимательно следивший, чтобы поклялись все без исключения, выпустил искру последним. Тарарах, не имевший перстня, обошелся без искры, ограничившись простым произнесением клятвы.

Золотой сфинкс на дверях кабинета поджал лапы и уподобился мокрому несчастному котенку.

Множество *«Разрази громусов»* в одном кабинете за какую-то минуту — это было слишком даже для выдавшего виды сфинкса.

Глава 1

ЛУННОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Эдуард Хаврон аккуратно выдавил на щеке угорь и, отойдя на шаг, залюбовался своей мускулатурой. Он стоял перед зеркалом голый по пояс и инспектировал сам себя, как врач из военкомата инспектирует призывника.

— Ну разве я не атлет? Разве не красавец? Просто сам бы в себя влюбился, да на работу топать надо! — сказал он самодовольно.

— Эдя, не втягивай живот! — крикнула из комнаты Зозо Буслаева.

Она и через две двери видела все фокусы своего брата.

— При чем тут живот? Это у меня такое выпуклое солнечное сплетение. И вообще под пиджаком не видно, — оскорбился Эдя, однако настроение было испорчено. Ох уж эти родные сестры! От них приходится терпеть такое, за что любого постороннего утопил бы, как Герасим Муму.

Тщательно почистив свои двадцать восемь зубов — согласно статистике, тридцать два зуба наличествуют лишь у трети человечества и в воображении писателей, обожающих без разбору наделять своих героев избыточной мудростью, — Эдуард Хаврон направился в единственную комнату их квартирки. Квартирка затерялась так далеко

на окраинах Москвы, что порой казалось, будто Москвы вообще не существует. Зато МКАД с ее бесконечными машинами была видна из окна как на ладони. Недаром они жили на самом верхнем, шестнадцатом этаже.

Комната была разгорожена стоявшим боком шкафом как ширмой на две неравные части. В одной — большей — части обитала Зозо Буслаева (до всех замужеств — Хаврон) с сыном Мефодием. В другой — в меру великолепный Эдя со своими семью парадными костюмами, двенадцатью парами начищенной до блеска обуви и штангой, на которой ночами уныло позванивали два блина по двадцать килограммов.

Когда Эдя Хаврон вошел в комнату, Зозо меланхолично пролистывала журнальчик брачных объявлений, изредка обводя самое интересное фломастером.

По паспорту Зозо Буслаева была Зоя. Однако свой паспорт Зозо не любила — его странички содержали слишком много лишней информации. По мнению хозяйки, вполне достаточно, если бы там просто значилось: Зозо. Мило, коротко, со вкусом и дает простор воображению.

Ее сын Мефодий сидел за столом и уже минут сорок угрюмо симулировал написание сочинения по литературе. Пока что он породил только одну фразу: «По моему мнению, книги бывают нормальные и не очень». На этом его творческий пыл иссяк, и теперь Мефодий глухо маялся.

Задумчиво потоптавшись посреди комнаты, Эдя Хаврон отправился к себе за шкаф и стал одеваться, придирчиво разглядывая рубашки и даже зачем-то нюхая некоторые из них под мышками.

Мефодий находил, что его родной дядя похож на обезьяну. Волосы были у Эди даже на шее. Оттуда они змейкой сбегали вниз и в районе груди переходили в неухо-

женную рыжеватую лужайку. Кроме того, с точки зрения того же Мефодия, Эдуард Хаврон был жутко старым. Ему было двадцать девять лет. К сожалению, несмотря на дряхлость, в дом престарелых Эдю пока не брали. Поэтому бедняге приходилось трудиться официантом в модном ресторане «Дамские пальчики». В свободное время несостоявшийся пенсионер ухлестывал за посетительницами своего заведения, предпочитая состоявшихся богатых дам с выраженным материнским инстинктом.

«Если я в старости буду таким, как Эдя, то выпрыгну в окно!» — решил Мефодий. Он захлопнул тетрадь с сочинением и без всякого вдохновения придвинул к себе учебник по химии. День шел как-то криво.

Зозо Буслаева раздраженно куснула фломастер и, пририсовав одной из фотографий рога, украсила ее дюжиной прыщей.

— Нет, вы посмотрите, какой хам! Я бы таких убивала на месте! Что он пишет! «Дама с квартирой и машиной, спою серенаду на твоём балконе! Твой пупсик. Возраст — 52 г. Вес — 112 кг. Звонить с 21 до 22 в ресторан «Пчелка» на Цветном. Спросить Виктора!» — воскликнула она с негодованием.

— Знаю я эту «Пчелку». Гаденький такой полуподвальчик. Последний раз они мыли стаканы в день открытия. С тех пор стаканы стерилизуются только тогда, когда в них оказывается водка... — капризно сказал Эдя.

— Ты закончил? — спросила Зозо. Она была в курсе, что Эдя обожает ругать чужие рестораны.

— Нет, не закончил! И цены у них в «Пчелке» не круглые. Что это за цена? Шестьдесят два пятьдесят или сто семь восемьдесят? Какой дурак это все будет складывать? Чем выше класс заведения — тем круглее цены. Клиенту проще настроиться на великодушие — а тут он машиналь-

но достает калькулятор, машинально начинает считать и в результате жадничает! — сказал голос из-за шкафа.

Зозо зевнула.

Мефодий повертел в руках учебник по химии, отодвинул его и, прислушиваясь к своему внутреннему состоянию, потрогал пальцем учебник по истории. Потрогал очень осторожно и снова прислушался к своим ощущениям. Нет, снова не то... Ни одна струна в душе не дрогнула. Ни желания, ни даже полужелания чем-либо заниматься. Да что же сегодня такое!

— Интересно, псих весом сто двенадцать килограммов мог бы обрушить балкон? — спросил он.

— У нас нет балкона! — сказала Зозо.

— И машины тоже нет! Иначе бы мне не приходилось вечно ловить такси. У меня есть только мобильник, куча одежды и честное благородное сердце! — добавил Эдя.

— Что-что у тебя с сердцем? Ты что-то сказал? — рассеянно переспросила Зозо.

— Я сказал, что все меня достали. Особенно твой лоботряс со своими фокусами! — обиделся Эдя.

Он наконец определился с рубашкой и появился из-за шкафа. Теперь, чтобы окончательно стать официантом, ему не хватало только бабочки. Но ее он обычно цеплял уже на работе.

— Мой лоботряс? Какие у тебя претензии к Мефодию? — напряглась Зозо.

— Он знает какие! Мои претензии большие, как кит, и серьезные, как бандитская крыша!

Эдуард неожиданно наклонился и крепко взял Мефодия за ухо:

— Слушай сюда, жертва нетрезвой акушерки! Еще раз выгребешь у меня из кошелька мелочь — я тебя порву как грелку, и мне ничего не будет! У меня белый

билет! — ласково обратился он к нему, скаля мелкие, как у хорька, зубы.

Эдуард Хаврон был просто патологический жмот. Порой Эдю совсем переключивало и он даже на туалетной бумаге начинал проводить фломастером линию, ставя рядом с ней свою подпись. К счастью, это бывало не чаще чем раза два в год, когда он проигрывался в карты или на игровых автоматах.

— Я не брал, — сказал Мефодий.

— Ты не думай, что я дурачок. Я только в профиль дурачок!.. На сколько кнопок был застегнут мой бумажник сегодня утром? На две! А я всегда застегиваю его только на одну! И никогда не закрываю до самого конца молнию в отделении для мелочи!

— Сам следи за своими кнопками! Мам, твой родственник меня убивает! Я буду одноухий и... ай... уродливый! — сообщил Мефодий, морщась от боли. Дядя очень больно впивался в ухо ногтями. Возможно, белый билет ему дали на законном основании, хотя и взяли за него триста баксов.

«Вот я осел! Вторая кнопка! Надо же было засыпаться на таком пустяке!» — подумал Мефодий.

Ногти на ухе сомкнулись как клещи.

— Ты все понял, малявка? Как насчет дубля? — прошипел Эдю.

— Ай! Отстань, олух!.. Купи себе надувного дедушку! — огрызнулся Мефодий.

— Что ты пропищал? А ну повтори! Повтори, кому говорят! — вскипел Хаврон.

— Мальчики, мальчики! — примирительно захопотала Зозо. — Может, бросим ссориться из-за пустяков? Ну что, пису пис и все такое прочее?

Хаврон неохотно выпустил ухо племянника.

— Пису пис! Только пусть зарубит себе на носу: еще раз поймаю — порву! — повторил он.

— В другой раз фигли ты меня поймаешь! — вполголоса сказал Мефодий.

К счастью для него, Эдя уже не слушал. Впрыгнув в одну из пар своих любимых ботинок, он смахнул с них щеткой невидимые миру пылинки и устремился в большой город на ловлю чаевых и удачи.

* * *

Мефодий с матерью остались в квартире одни.

Зозо Буслаева отложила журнал и задумчиво посмотрела на сына. Обычный двенадцатилетний подросток — во всяком случае, выглядит обычным. Худой, с узкими плечами. Ростом тоже не отличается. В строю на физкультуре среди пятнадцати мальчишек своего класса стоит девятым. Зато как будто ловкий. В футбол играет хорошо, бегает неплохо. Когда надо залезть на канат — тут он вообще первый. К сожалению, стоять девятым в строю приходится чаще, чем забираться на канат.

А внешне... внешне, пожалуй, не без изюминки. Сколотый на треть край переднего зуба, длинные русые волосы, схваченные сзади в хвост. Уникальность этих волос состоит в том, что Мефодия не стригли ни разу с момента рождения. Вначале этого не делала сама Зозо, потому что ребенок брыкался, отбивался и кричал как резаный, а затем подросток Мефодий стал утверждать, что ему больно, когда ножницы касаются волос. Было ли это правдой или нет, Зозо не знала, но однажды, лет пять назад, когда она попыталась выстричь прилипший к волосам сына кусок пластилина, то увидела на ножницах неизвестно откуда взявшуюся кровь.

Зозо Буслаева панически боялась вида крови. Это осталось у нее с детства, когда, порезав кухонным ножом руку, она решила, что истекает кровью. Родителей дома не было. Растерявшаяся Зойка забилась в шкаф и, скуля от ужаса, переживая в своем воображении сотни агоний, просидела там полтора часа, пока не вернулась мать и не распахнула всхлипывающую дверцу. Порез оказался пустячным, однако ужас никуда не ушел и, один раз поселившись, устроился на постоянное жительство. Вот и тогда, пытаясь отстричь Мефодию прядь с пластилином, Зозо услышала тот ужасный гулкий и настойчивый звук, который бывает, когда что-то капает на линолеум. Зажмурившись, она стояла посреди кухни и ощущала, как кровь заливает ей шерстяные носки. Когда, переборов себя, Зозо все же открыла глаза — ножницы были совершенно сухими, если не считать маленького бурого пятнышка.

Кроме волос, было в Мефодии еще нечто, что никак не вписывалось в схему, именуемую «двенадцатилетний подросток». И это были глаза. Раскосые, не совсем симметричные и совершенно неопределенного цвета. Кто-то считал, что они серые, кто-то — что зеленые, кто-то — что черные, а пара человек готовы были под присягой поклясться, что они голубые. В действительности же цвет их менялся в зависимости от освещения и настроения самого Мефодия.

Порой, особенно когда сын начинал злиться или бывал чем-то взволнован, Зозо — если ей случалось оказаться рядом — ощущала странное головокружение и слабость. Ей чудилось, что она бесконечно опускается на лифте в черную узкую шахту. Она почти наяву видела этот лифт с тусклыми лампами, плоскими железными кнопками и жирной надписью маркером «Добро пожало-

вать во Мрак!». Видела и все никак не могла стряхнуть наваждение.

Самое большое потрясение она испытала, когда Мефодий был еще ребенком. Тогда его сильно напугала собака. Это была глупая овчарка, которая обожала молча, даже без рычания, бросаться на людей и, не кусая, сбивать их с ног лапами. На некоторое время овчарка нависала над человеком, сея ужас и наслаждаясь произведенным эффектом, а после убегала. Однако трехлетний Мефодий этого не знал. В его представлении пес напал всерьез. Растерявшаяся Зозо даже не *услышала*, как Мефодий закричал. Она только *поняла*, что ее сын крикнул и впился в собаку взглядом. Овчарка добежала до Мефодия, сбила его с ног, а затем вдруг сама с какой-то нелепой комичностью опрокинулась на бок да так и осталась лежать с ниткой слюны, поблескивающей на клыках. Как потом говорили во дворе, у овчарки неожиданно случился разрыв сердца.

Зозо после долго не могла прийти в себя. Она не в состоянии была забыть темное пламя, вспыхнувшее на миг в глазах сына. Это было нечто, что невозможно описать, чему не подходят банальные слова, вроде «свечение», «языки пламени», «огненные струи» и так далее. Просто в зрачке появилось нечто, о чем даже она, мать, не могла вспоминать без содрогания.

Но в конце концов Зозо выбросила все из головы. На свое счастье, она была особой легкомысленной. Она постоянно пыталась устроить свою личную жизнь, и это отнимало у нее все время и все силы. Мефодий знал только, что вначале был папа Игорь. Потом жизнь скатала папу Игоря в коврик и куда-то его утащила. Теперь он появлялся раз в два-три года, лысеющий, побитый молью и судьбой, приносил букетик в три гвоздики жене, китай-

ский пистолет сыну и хвалился, что у него все хорошо — новая жена и фирма, занимающаяся ремонтом стиральных машин. Однако Эдя Хаврон, все про всех знавший, утверждал, что дела у папы Игоря идут не блестяще и ремонт стиральных машин занимается не его фирма, а он сам. Иногда же Эдя Хаврон клеймил господина Буслаева-старшего нехорошими словами «пэ-бэ-о-юл недоделанный».

После папы Игоря в судьбе Зозо и Мефодия были дядя Леша, дядя Толя и дядя Иннокентий Маркович. Дядя Иннокентий Маркович задержался надолго, почти на два года, и доставал Мефодия своими придирками. Заставлял вешать брюки по стрелочке, самому стирать носки и называть его по имени-отчеству. Потом дядя Маркович куда-то испарился, а остальных дядей Мефодий уже не запоминал, чтобы сильно не перегружать свою юную память.

«Забьешь клетки башки всякой ерундой, а потом на уроки места не хватит!» — рассуждал он.

Зозо Буслаева почесала лоб. Она смутно ощущала, что случившееся нельзя оставлять так просто. То, что Мефодий залез в кошелек к Эде, крайне серьезно. Она, как мать и как женщина, должна теперь замутить что-нибудь педагогическое в духе того, что завещал мудрый Макаренко. Наказать, что ли, или, во всяком случае, быть строгой. Вот только беда, Зозо не совсем представляла, как это — быть строгой. Она по жизни была разгильдяйкой.

— Гм... Сын, я хочу поговорить с тобой! Ты не будешь больше брать у Эди деньги? — спросила она.

— Знаешь, сколько я у него взял? Десять рублей и еще пятьдесят копеек! Мне не хватало, чтобы доехать до школы на маршрутке. На автобусе я не успевал, потому что проспал, — неохотно сказал Мефодий.

— А почему у меня не попросил?

— Тебя не было. Ты знакомилась с тем немцем, который оказался турком и назначил тебе свидание в восемь утра в метро, — сказал Мефодий.

Зозо слегка покраснела:

— Не смей так говорить с матерью! Я сама так захотела!.. А словами у Эди нельзя было попросить? Разве бы он не дал?

Мефодий хмыкнул:

— У нашего Эди? Словами? У него кирпичом надо просить, а не словами. Он бы тысячу лекций прочитал. Типа: «Я сам вкалывал с семи лет в поте физиономии, и никто мне ничего не давал. А тебе уже почти тринадцать, а ты бездельник и дурак. Тайком куришь, и вообще, иди пожуй хлебушек».

Зозо Буслаева вздохнула и сдалась. Ее братец действительно рано начал проявлять деловую смекалку. В семь не в семь, а в семнадцать лет он уже торговал на Воробьевых горах матрешками и буденновками, за что его не раз били нехорошие конкуренты. Правда, вскоре Эде надоело торчать под открытым небом, ловя насморки и ветры. Пролежав три недели на обследовании в психушке, он откосил от армии и устроился в ресторан. Его широкие плечи и страстный взгляд патентованного шизофреника, коронованного соответствующим билетом, рождали у посетительниц «Дамских пальчиков» нездоровый аппетит и желание повторить двойной кофе с ликером.

— Меф, — подытожила Зозо, — возможно, ты прав и Эдя зануда, но обещай мне, что никогда больше...

— Никогда так никогда! Буду ездить в школу на выхлопной трубе маршрутки! — пообещал Мефодий.

Зозо вздохнула и пошла было на кухню, но внезапно какая-то запоздалая мысль нагнала ее и легонько толкнула в спину. Зозо остановилась.

— Сынуля, сегодня вечером ко мне в гости заскочит один... э-э... человек... Ты не хотел бы куда-нибудь сходить? Например, к Ире, — предложила она с видом кошки, которая роется лапкой в лотке с песком.

— И не болтаться под ногами? — понимающе уточнил Мефодий.

Зозо задумалась. Когда борешься за свою судьбу и пытаешься устроить жизнь, двенадцатилетний сын — это уже компромат почище паспорта.

— Что-то вроде того. Не торчать в кухне, не булькать в ванной, не заходить каждую минуту за всякой ерундой и не болтаться под ногами. Вот именно! — решительно повторила Зозо.

Мефодий задумался, прикидывая, что можно выторговать в обмен.

— А как насчет моего огромного желания делать уроки? Скоро конец четверти. Я официально предупреждаю, что нахватаю вагон годовых троек, — заявил он.

Вообще-то он их уже нахватал, но теперь появился прекрасный случай найти другого виноватого. Упускать его было бы грех.

— Это наглый шантаж! Может, ты сделаешь уроки сейчас? До вечера еще полно времени, — беспомощно сказала Зозо.

Мефодию почудилось на миг, что он увидел слабое сиреневое свечение, которое Зозо выбросила в пространство. Бледнея, свечение стало распространяться к границе комнаты, как капля краски на мокрой бумаге. Мефодий привычно, не отдавая себе отчета в том, что делает, впитал его как губка и понял: мать сдалась.

— Нет. Сейчас у меня нет вдохновения делать уроки. Мой звездный час наступает именно вечером. Днем я не в теме, — помотал он головой.

Самое смешное, что это было правдой. Чем ближе к ночи, тем четче начинал работать его мозг. Зрение становилось острее, а желание спать, столь сильное утром на первых уроках и днем, исчезало вовсе. Порой он жалел, что занятия в школе начинаются не с закатом и идут не до рассвета. Зато утром он бывал обычно вял, соображал плохо, а ходил вообще на автопилоте.

Без десяти восемь Зозо решительно выпроводила Мефодия из квартиры.

— Иди к Ирке и сиди у нее! Я тебе позвоню, когда дядя уйдет! — сказала она, целуя его в щеку.

— Ага. Ну все, пока! — сказал Мефодий. Он уже мысленно ушел.

— Я тебя люблю! — крикнула Зозо и, захлопнув дверь, кинулась приводить себя в порядок. Она была сосредоточенна, как полководец перед главной в жизни битвой. За следующие десять минут ей предстояло помолодеть на десять лет.

Мефодий некоторое время бесцельно потолкался на площадке, а затем вызвал лифт и спустился. Выходя из подъезда, он увидел, как из припаркованного у дома автомобиля выбирается неприятный экземпляр мужского пола с большим букетом роз и бутылкой шампанского, которую держал с той осторожностью, с какой ополченец подает к орудию снаряд. Хотя теоретически тип мог идти в гости в другую квартиру, Мефодий мгновенно сообразил, что это новый поклонник Зозо. Это не было даже предположением. Просто он знал это, и все. Знал на все сто процентов, как если бы на лбу у мужчины была табличка «Я иду к Зозо! Я ее типаж!». Приземистый, с сизой щетиной, двойным подбородком и почти без шеи, новый дядя походил на кабанчика, по недоразумению или в результате генетического сбоя родившегося человеком.

Мефодий застыл, разглядывая его. Он даже не сообразил отойти от двери подъезда.

— Чё встал? Не торчи тут, парень! Брысь! — сказал экземпляр мужского пола, сделав тщетную попытку обойти Мефодия с фланга.

— Это вы мне? — с ненавистью спросил Мефодий.

— Тебе. А теперь пошел отсюда! Отвали! — рявкнул экземпляр и, бесцеремонно оттолкнув Мефодия, протиснулся в подъезд, дверь которого еще не успела закрыться.

Мефодий спокойно проводил его взглядом. Потом отыскал ржавый гвоздь, подошел к автомобилю, огляделся и тщательно вставил его кончик в протектор задней шины с тем расчетом, что, когда машина тронется, гвоздь войдет глубже и проткнет ее. Некоторое время Мефодий созерцал свою работу, испытывая чувство творческого неудовлетворения. Одного гвоздя ему показалось мало. Он нашел донышко от бутылки и поселил его под передней правой шиной, а на выхлопную трубу надел шарик и прикрутил его проволокой. Жаль, что его не окажется рядом, когда шарик начнет раздуваться, а потом лопнет. Ну да ничего — пусть кто-нибудь другой насладится этим зрелищем.

— Это ты не болтайся у меня под ногами! Понял? — сказал Мефодий, обращаясь к машине.

Он не испытывал ни малейших угрызений совести. Никто не просил этого заплывшего жиром борова приезжать к его матери с веником роз.

* * *

Северный бульвар медленно погружался в объятия вечера. Его каменные бока окутывались тенями, а угловой дом загадочно смялся и отодвинулся вглубь. Пропор-

ции шалили. Внезапный порыв ветра хлестнул Мефодия по лицу смятой газетой. За газетой, азартно подпрыгивая и пытаясь ее догнать, прокатилась пустая пивная банка. Почему-то это простое событие показалось Мефодию страшно важным.

«Если первой на дорогу выкатится банка, мать прогонит этого типа!» — быстро загадал он, кидаясь за ними следом. Но, увы... первой на проезжую часть вырвалась и тотчас же попала под грузовик газета. Банка выкатилась за ней следом и разделила ее трагическую судьбу.

— Свинство! Не прогонит! Разве что сам уберется! — буркнул Мефодий.

Он с таким раздражением уставился на газету, что... нет, разумеется, ему это только померещилось. Газета не могла вспыхнуть без всякого повода. К тому же ее сразу умчал ветер, так что ни о чем нельзя было говорить наверняка.

Мефодий выбросил всю эту ерунду из головы. Он перебежал дорогу, перемахнул через чугунное ограждение бульвара и направился к Ирке.

Ирка была его хорошим другом — именно другом. Слово «подруга» рождает у нездоровых людей нездоровые ассоциации, слова же «знакомая» или «приятельница» отдают чем-то тухлым. Так говорят о тех, в ком не уверены. Ирка же была Другом, именно так, с большой буквы.

Ирка жила в соседнем доме, и к ней можно было заявиться — что особенно, согласитесь, ценно — в любое время суток и без звонка. Даже часов в двенадцать ночи, поскольку жила Ирка на втором этаже, а жильцы первого были так любезны, что отгородились от мира очень удобной фигурной решеткой.

Бабушка Ирки не чинила ей никаких препятствий. Она так обожала внучку, что для нее каждое Иркино же-

ление было даже не законом, а приказом по подразделению. Родители же... Но об этом чуть ниже.

Было еще не так поздно. В окне за лоджией первого этажа горел свет. Сквозь незадернутые шторы было видно, как усатая женщина гренадерского сложения что-то переставляет на полках шкафа. По этой причине Мефодий решил воспользоваться самым скучным способом появления в гостях из всех существующих, а именно — сделать это через дверь. Крайне неприятно, когда тебя сталкивают, тыча шваброй через фигурную решетку.

Поднявшись на второй этаж, он позвонил и почти сразу услышал, как в коридоре зашуршали шины. Это было даже не шуршание, а легкий, но отчетливый звук не до конца надутых резиновых покрышек, которые на мгновение прилипают к линолеуму.

— Ир, это я, Меф! — крикнул Мефодий, чтобы не заставлять Ирку смотреть в глазок.

Замок щелкнул, дверь открылась. Мефодий увидел темный коридор и яркое желтое пятно света, пробивавшееся из открытой настежь двери комнаты. В световом пятне стояла инвалидная коляска с небольшой ссутулившейся в ней фигуркой, на ноги которой был наброшен плед.

— Привет! Забегай! — пригласила Ирка.

Она ловко развернулась в узком коридоре и нырнула в свою комнату. Мефодий последовал за ней. Комната Ирки отличалась от остальных комнат уже тем, что в ней не было ни одного стула. Вдоль стен на разной высоте тянулись блестящие металлические поручни. Ирка ненавидела звать бабушку, когда нужно было перебраться в кресло или, наоборот, выбраться из него.

У окна мерцал монитор компьютера. До прихода Мефодия Ирка сидела в чате. Разложенный диван был зава-

лен книгами и журналами. Ирка вечно читала по двадцать книг сразу, не считая учебников. Причем читала не последовательно, а кусками из разных мест. Странно, что при таком хаотическом чтении книги не перемешивались у нее в голове.

— Что ты стоишь, как одинокий тушканчик? Разгреби себе место и садись! А я сейчас! Только скажу народу, что меня нету, — сказала Ирка, кивая на кровать.

Она подъехала к компьютеру и быстро набрала:

Все брысь! Ушла на фронт! Я

— Ну вот, вежливость прежде всего! А то народ будет думать, что меня похитили, — сказала она, поворачиваясь к Мефодию.

Тот было сел на кровать, но ему почему-то не сиделось. В поясничном отделе его позвоночника словно работал вечный двигатель.

— Пошли лучше на кухню. Я бы чего-нибудь перекусил, — сказал он.

Ирка фыркнула:

— Ни фиги себе заявленнице! Ну это уже к Бабане. Я знаю о холодильнике только то, что его дверца открывается на себя.

— Ну что, пошли? — повторил Мефодий.

— Это ты «пошли», а я «поехали». Я же гоночная машина, — заявила Ирка.

Мефодий давно заметил, что Ирка, как многие инвалиды, обожает шутить над собой и своим креслом. Но когда кто-то другой пытается острить по этому же поводу — ее чувство юмора иссякает на глазах. Она протяну-

ла руку к пульту, и коляска быстро покати­лась по коридору на кухню. Мефодий едва успе­вал за ней. Все-таки колесо всегда даст фору ногам — разумеется, если по дороге не попадет­ся забор.

Все случилось восемь лет назад. Ирке тогда было четыре. Автомобиль, на котором Ирка и ее родители возвращались с дачи, выкинуло на встречную полосу под рейсовый автобус. Отец и мать Ирки, ехавшие на передних сиденьях, погибли. Ирка же с травмой позвоночника и двумя длинными, почти параллельными шрамами от двух кусков железа, рассекших спину от левого плеча, оказалась в инвалидной коляске. Ирке еще повезло, что у нее была энергичная и довольно молодая бабушка. Хотя в этом случае о везении лучше вообще не заикаться. За такие рассуждения можно было схлопотать в глаз маникюрными ножницами.

В кухне грохотал «Нотр-Дам». Бабушка Аня — она же Бабаня — восседала на высокой табуретке у микроволновки. Дожидаясь, пока разогреется цыпленок с картошкой фри из магазина «Готовая еда», Бабаня слушала партию горбуна и дирижировала разделочным ножом. Правильных бабушек нынче осталось мало. Они вымерли, как мамонты. Тому, кто считает, что бабушки пятидесяти двух лет должны ходить в платочках и весь день колдовать у плиты, пора сдать свое воображение на свалку.

Бабаня с удивлением уставилась на Мефодия. Слушая «Нотр-Дам», она пропустила момент, когда он пришел.

— Привет, Меф! Рада тебя видеть! — сказала она.

От ее головы оторвалось и распространилось по комнате слабо-желтое свечение с некоторыми зелеными вкраплениями. «Не то чтобы, конечно, совсем в восторге, но рада!» — не задумываясь, как он это делает, расшифровал Мефодий. Он дождался, пока свечение перестанет

быть частью Бабани и распространится по комнате, затем втянул его и ощутил, что стал сильнее. Может, на какую-то миллионную часть от того, что было прежде, но все же... И опять это случилось инстинктивно, без вмешательства разума. Просто Мефодий понял, что все так и есть, а как он это делает и зачем — осталось за кадром. Когда мы дышим, мы не задумываемся о том, что дышим. Мы дышим даже во сне. Мы дышали бы, даже не зная, что существует дыхание. Так и Мефодий не подозревал, что вбирает энергию чужих эмоций.

— Меф, иди сюда, мой лохматик! Я тебя обниму! — проговорила Бабаня.

— Запросто! Только ножик положите! — сказал Мефодий. Бабаню он любил.

Бабаня не без интереса посмотрела на нож в своей руке. Кажется, она уже успела забыть, что держит его, хотя совсем недавно вскрывала им упаковку. Волосы Бабани чем-то смахивали на волосы Медузии, хотя с Медузией она была не в родстве, да и вообще встречаться им не приходилось.

— Говорят, весной у многих психов случается рецидив. По улицам начинают бродить табуны маньяков, — задумчиво произнесла она.

— Бабань, уже почти май. А крыша едет в марте, — сказала Ирка.

— А вот и нет. Это у тебя в марте, а у меня она едет каждый день. Особенно когда все кидаются на явно неудачное платье, а самое удачное висит в сторонке и мечтает о моли, — произнесла Бабаня.

У нее было маленькое ателье в полуподвале, которое она любила называть «Дом мод имени меня». Кроме самой Бабани, в ее «Доме мод имени меня» работали еще две девчонки. Одна из них была страшная болтушка, а

вторая все время болела, причем как-то так хитро, что ее никогда не оказывалось по домашнему телефону. Она всегда «пошла к доктору и еще не вернулась». «Я больше люблю вторую. От нее уши не болят», — говорила Бабаня.

— Бабань, Меф хочет есть! — сказала Ирка.

— Запросто, — кивнула Бабаня. — Где холодильник — знаете. С микроволновкой тоже разберетесь. А я пошла. К завтрашнему утру мне велено сообразить такое свадебное платье, в котором следовательша, в третий раз выходящая замуж, выглядела бы наивной, как регентша церковного хора.

— Ага, Бабань, хорошо! Мы разберемся! — сказала Ирка.

Она лучше Мефодия знала, что Бабаня не особенно любит готовить. Зато целыми тележками скупает в супермаркетах йогурты, колбасу, апельсины, заморозку в пакетах и готовые обеды. Для Мефодия же многое было в диковинку. Например, где это видано, чтобы верхний из отсеков морозильника был почти до половины забит мороженым и Бабаня даже не пыталась сосчитать, сколько там порций. Жадненький Эдя со своей привычкой расчерчивать карандашиком туалетную бумагу выпал бы в осадок, узнай он об этом.

Бабаня, напевая, ушла, а Мефодий и Ирка остались на кухне. Ничего разогреть они не стали. Ограничились тем, что извлекли из холодильника побольше мороженого и большую палку колбасы. Колбасу Мефодий профессионально постругал ножом — нахватался у Эдьки, который начинал поваром, — а потом стал есть мороженое, орудуя вместо ложки кружком копченой колбасы. Так ему казалось вкуснее.

— У тебя классная бабушка, — сказал Мефодий с набитым ртом.

— Вся в меня, — согласилась Ирка. — Только она терпеть не может, когда ее называют бабушкой. Ко мне тут училка новая пришла по русскому — они же ко мне домой ходят, ты знаешь, — и говорит ей: «Здравствуйте, бабушка!» А Бабаня рассердилась: «Это вы, — говорит, — бабушка, а я человек!»

— И то верно. Родители тоже люди. Что, они виноваты, что ли, что они родители? — подтвердил Мефодий.

Он вдруг вспомнил, как и при каких обстоятельствах познакомился два года назад с Иркой. С одним своим приятелем — уже бывшим — он пробегал мимо ее подъезда в ту минуту, когда Ирка пыталась въехать на коляске на ступеньку перед подъездной дверью. Ирка, впервые выбравшаяся из дома без бабушки (потом ей за это влетело), соображала, как ей выйти из положения. Возможно, Мефодий вообще проскочил бы мимо, ничего не заметив, если бы не его приятель. Он стал ржать. Очень ему было смешно, что уродина на коляске никак не может попасть в подъезд — все время скатывается обратно.

Мефодий долго и внимательно, точно сравнивая их, смотрел то на приятеля, то на Ирку, которая изо всех сил делала вид, что ничего не слышит, хотя щеки и уши у нее были уже пунцовыми, а потом очень быстро и точно ударил приятеля в подбородок. Это тоже был (включая нарезку колбасы) урок Эди Хаврона, который до неудач с матрешками и буденновками года три прозанимался в секции бокса. «Бросай кулак без усилия, как камень. Сила удара в ноге и повороте корпуса», — учил он.

Удар получился неожиданно сильным. Мефодий едва не вывихнул кисть. Приятель осел на асфальт как мешок с навозом. Он сидел и тряс головой. В горле у него булькало не совсем еще затихшее ржание. После этого он,

собственно, и перестал быть приятелем. Зато у Мефодия появился первый в жизни друг — Ирка.

Они сидели на кухне и ели мороженое, болтая о всяких пустяках. О том, что его выпроводила из дома Зозо, ожидавшая своего борова, Мефодий не сказал. Он терпеть не мог жаловаться. В том, кто жалуется, даже имея повод, изначально есть нечто жалкое — это он усвоил довольно давно. Ирка тоже никогда не жаловалась — и это объединяло их гораздо сильнее, чем если бы они при каждой встрече рыдали друг другу в жилетку.

— А как твой сон? — вдруг спросила Ирка.

Мефодий напрягся:

— Ты о том сне?

— Ага.

— Ну бывает иногда. Не очень часто, — неохотно признался он.

— Все те же?

— Да. Но мне не хочется об этом вспоминать.

Но все равно невольно вспомнил, и настроение сразу поползло вниз, как червяк, которому не понравилась Эйфелева башня. Это был один и тот же отвратительный сон, который он видел один-два раза в месяц. В этом сне он стоял перед глухо закрытым свинцовым саркофагом с оттиснутыми на нем древними знаками и смотрел на него. Мефодий не знал, что там внутри, но ощущал, что нечто страшное, нечто такое, на что нельзя смотреть и что ни в коем случае не должно вырваться. Но при этом не мог отвести глаза. И самое ужасное, что под его взглядом свинец саркофага начинал плавиться. Но всякий раз Мефодий просыпался прежде, чем тому, что было в саркофаге, удавалось вырваться.

Однажды он даже закричал во сне, разбудив Зозо и Эдю. Эдя был так удивлен, что даже не ругался.

— Я тебя отлично понимаю, приятель! Мне самому снятся кошмары. Как-то приснилось, что мою ногу заказали к ужину с овощным рагу и при этом — просекаешь наглость? — потом все время морщились и утверждали, что мясо пережарено! — сказал тогда он.

Они еще немного поболтали, пока наконец около десяти Мефодию не позвонила Зозо:

— Иди домой. Я тебя жду.

— А *этой* уже укатил на своей тележке? — поинтересовался Мефодий.

— Откуда ты знаешь, что он... Все сорвалось. — Голос у Зозо был совсем убитый.

— Как это?

— Он приехал чуть раньше. Я была не готова и, чтобы выиграть время, попросила его смотаться в супермаркет купить белого вина. Ненавижу, когда люди без дела толкуются под дверью и мешают мне краситься. Он поехал было, но почти сразу вернулся — злой, как ты с утра, когда я по привычке бужу тебя в воскресенье. Что-то там с его «Ауди»... Ну я егопустила, чтобы малость успокоить, согреть душевным теплом, и тут, вообрази, ему на глаза попала свадебная фотография твоего папаша, в которую Эдя кидает дротики для дартса. Он стал допытываться — и выудил, паразит такой, что у меня есть сын. Я сильно не отпиралась, все равно ведь узнает, даже показала ему кое-какие твои фотки. Кто знает, думаю, вдруг его прошибет на суровую мужскую дружбу. Совместный футбол там, рыбалка! Ни фига подобного, не прошибло! Он просидел около часа как на иголках, а потом ушел... Моя жизнь разбита! — голос Зозо возвысился до трагического Монблана и завис там, собираясь сорваться в бездну истерики.

— Ерунда, мам! Твоя жизнь разбивается раза три в месяц, а затем моментально срастается, — утешил ее Мефодий.

Он уже и счет потерял тому, сколько раз его мать встречалась с подержанными принцами из брачного журнальчика. И каждый раз все заканчивалось безобидным нулем, кроме одного случая, когда очередной принц стащил пафосную бронзовую пепельницу, которую Эдя, в свою очередь, уволок из кафе, где работал до «Дамских пальчиков». На другой день этот принц вернулся пьяным, долго барабанил в дверь, стремясь поговорить, и заснул прямо на площадке, положив буйную голову на коврик. Хорошо, что Эдя вернулся раньше и, мстя за пепельницу, изгнал Адама из рая прицельными пинками.

— Ты так думаешь? Ладно, забыли, — сказала Зозо печально.

Мефодий почувствовал, что в эту самую минуту она выдирает из сердца, комкала и выкидывала в мусорную корзину жирного борова.

— Ты сам дойдешь или тебя встретить? — В голосе Зозо явно звучало, что ей лень одеваться.

— С эскортом мотоциклистов, — сказал Мефодий.

— Ну, тогда сам. Я жду! У нас остался трофейный торт, — с облегчением вздохнула Зозо.

— Ты все, пошел? — поинтересовалась Ирка, когда Мефодий повесил трубку.

— Ага. Завтра заскочу после школы!

— Давай, пока! — кивнула Ирка с легкой завистью.

Она никогда не ходила в школу. Однако Мефодий порой чувствовал, что, занимаясь дома одна и с приходящими учителями, она обогнала его класса на два, не меньше. Во всяком случае, экзамены по некоторым предметам Ирка сдала уже за девять классов.

Мефодий пересек Северный бульвар и подошел к дому — на этот раз, ради разнообразия, с другой стороны. Здесь дорогу ему преградила огромная лужа, поглощавшая талый снег окрестных дворов и изредка с наслаждением прихлебывавшая воду из прорванных труб. Ловким агентам по продаже недвижимости она давала повод утверждать, что дом находится в живописной местности рядом с прудом. Через лужу шла караванная тропа из кирпичей и досок, разбросанных с причудливыми интервалами.

В ровной черной поверхности лужи золотой монетой лежала луна. Изредка по ней пробежала едва заметная рябь. Мефодий посмотрел на луну — вначале в луже, а потом подняв лицо к небу, — и внезапно странное чувство охватило его. Ему почудилось, что он вбирает силу лунного света, напитываясь его спокойной мощью и мертвенной пустотой. Испугавшись, все же это было впервые, он опустил глаза и вдруг увидел, как, подчиняясь его взгляду, отражение луны скользит по луже, как пятно от карманного фонарика. По коже побежали мурашки. Он решил, что сходит с ума. Гонять взглядом луну как мячик! Рассказывать о таких вещах школьному психологу крайне опасно. Мефодий снова вскинул голову. Нет... большая луна, к счастью, оставалась на месте. Его взгляд управлял лишь лунным отражением. Меф потряс головой и несколько раз моргнул, отрывая лунное отражение от своего взгляда. Ему это удалось — отражение отлипло и продолжало купаться в темной воде уже само по себе.

«Померещилось!» — решил Мефодий, испытывая одновременно облегчение и разочарование. Управлять от-

ражением луны, конечно, жутковато, но одновременно в этом есть нечто такое, от чего трудно отказаться.

Перепрыгивая с кирпича на кирпич, он перебежал на другую сторону лужи и приблизился к подъезду.

Внезапно в сознании Мефодия точно зазвенел колокольчик. Это был особый колокольчик интуиции, которому Меф издавна привык доверять. Теперь этот звук ясно приказывал ему не входить в подъезд. Мефодий осмотрелся — все было как будто спокойно: ничего и никого. Однако колокольчик все равно не замолкал. «Что же мне — на шестнадцатый этаж по балконам лезть?» — растерянно подумал Мефодий. Он некоторое время помялся, а затем все же подошел к подъезду.

Он уже набрал код и даже услышал приглашающий писк домофона, когда сзади мелькнула чья-то тень и сильная рука сгребла Мефодия за ворот. Он попытался вцепиться в дверную ручку, но крепкий подзатыльник протолкнул его в подъезд. Спотыкаясь, полуголушенный, он сделал несколько шагов.

— Ну наконец-то! Я думал, ты никогда не вернешься, щенок, — с торжеством сказал кто-то.

Мефодий уже по голосу узнал борова. В полутьме подъезда — горел только четырехугольник у лифтов и почтовых ящиков — его лицо казалось зеленоватым и опухшим. Мефодий морщился от боли. Сильные пальцы борова так впивались ему в ключицу, словно хотели захватить ее с собой в качестве моральной компенсации.

Мефодия почти тошнило от красных волн ярости, которые распространял боров. Они накатывались, толкали его. Мефодий ощущал, что может вобрать их силу, но невольно отталкивал, отражал, ставил блок — оттого волны и разлетались с такими брызгами.

— Отпустите меня!

— Отпустить? Только с крыши головой вниз! Что ты сделал с моей машиной, сосунок?!

— С какой машиной? Я вообще не видел вашу машину! Не видел, кто проколол вам шины!

Мощная затрецина, от которой голова мотнулась в сторону, обожгла Мефодию щеку. Его встряхнули с удвоенной яростью и проволокли по ступенькам к лифтам. Мефодий сообразил, что допустил стратегическую ошибку. Он не мог не видеть автомобиль борова, ведь впервые они столкнулись именно около него. И уж тем более, будучи невиновным, он не мог знать, что шины вообще проколоты.

— А ну не вырывайся! Я из тебя все внутренности вытащу и на руку намотаю! Мы сейчас вместе пойдем к твоей чертовой мамаше, и я поговорю с ней по душам! Я возьму с вас втрое за каждую покрышку, а если денег нет, перебую у вас все в доме! — прохрипел боров. Он был так разозлен и с такой яростью удерживал вырывающегося Мефодия, что никак не мог попасть пальцем на кнопку вызова лифта.

Наконец он нашарил ее. Но в ту минуту, как кнопка зажглась печальным красным глазом, чей-то спокойный голос произнес:

— Эй, ты, жертва принтера, оставь его!

Глава 2

СКОМОРОШЬЯ СЛОБОДКА

Мефодий и боров разом обернулись. Они не слышали ни хлопка подъездной двери, ни шагов, но на площадке у лифтов они были уже не одни. У почтовых ящичков, над которыми на стене было нацарапано загадочное «НУФА — СВЕНЯ!», стояла высокая, очень полная девица лет двадцати с серебристо-пепельными волосами. В руках у нее был трехслойный бутерброд, такой грандиозный, что все двойные гамбургеры в сравнении с ним показались бы жалкими закомплексованными недомерками. Однако девицу размеры бутерброда, видимо, ничуть не смущали. Она дирижировала им как маэстро палочкой, не забывая изредка откусывать приличные куски. Стоит добавить, что девица была в куртке из грубой кожи и в короткой юбке. Завершали туалет высокие сапоги — один красный, другой черный — и дутые браслеты в форме ящериц, глаза у которых были из сияющих камней.

— Эй, ты, прихлопнутый сканером! Кажется, я велела тебе отпустить мальчишку! Если ты этого не сделаешь, я засуну тебя внутрь провода занятого телефона! Ты у меня будешь странствовать от одного звука «пи» к другому звуку «пи»! Это говорю тебе я, Улита! — Девица угрожающе взмахнула бутербродом.

Боров засопел, переваривая сложную угрозу. В его тесной черепной коробке затеялся целый реслинг мотиваций, однако желание расщелкаться с Мефодием размазало по рингу возможность поставить на место наглую девицу со странным именем.

— Не путайся под ногами! Этот малолетний уголовник проколол мне две отличные покрышки! — буркнул он, встряхивая Мефодия как грушу.

— Целых две покрышки? — ужаснулась Улита. — Мраку мрак! Мои соболезнования в связи с потерей механического родственника!

— Чего? — не въехал боров.

— Построй себе нерукотворный памятник! К нему не зарастет проезжая часть! — продолжала девица. Она явно глумилась и над боровом, и над Мефодием, и одновременно над собой. Такая вот круговая стрельба.

Куцые бровки «принца», гневно странствуя навстречу друг другу, образовали на лбу бульдожьей складку.

— Прочь пошла, толстуха! — рявкнул он, угрожающе шагнув ей навстречу.

Этого делать не стоило, потому что тотчас девица шагнула к нему:

— Кто толстуха, я?! Почему мы, толстые люди, вечно обязаны слушать эти гадости?! Наши царственные пропорции пытаются опозлить самым подлым образом! И главное, от кого я это слышу? От Аполлона Бельведерского? От красавца Прометея? От качка Геракла? Ничуть! От жалкой помеси поросенка с клавиатурой компьютера! От ходячего кладбища котлет! Сливного бачка для пивных банок, который промазывает кремом складки на своем диатезном пузе!

Боров гневно захрюкал. Девица загадочным образом попала в самое больное его место. Волоча за собой Ме-

фодия, он метнулся к Улите. Показывая, как она испугалась, девица задрожала и, рухнув на колени и заломив руки, театрально завывала:

— Как ужасен взгляд его! Что за жуткие мысли таятся под этим низким угреватым лбом! Мамушки-нянюшки, где мой стилет? Я хочу заколоться! Заодно захватите ведро яда, если перо, как в прошлый раз, сломается о мое каменное сердце.

Для увеличения эффекта она хотела уронить бутерброд, но посмотрела на него и передумала.

— Короче, я угрызаюсь тоской и умираю в страшных судорогах! Считаю это выражением моего «фу»! — пояснила она обыденным голосом.

— Ты что, чокнутая, да? Истеричка? — испуганно спросил боров.

Его пальцы, так и не сомкнувшиеся на руке Улиты, вхолостую загребали пространство, а серое вещество было перегружено непредсказуемым поведением странной особы. Мефодий, признаться, был удивлен ничуть не меньше, хотя в этом матче девица явно играла на его стороне. На самой щемящей душу ноте она вдруг встала на ноги и, брезгливо плюнув, отряхнула колени:

— Хамство какое! Играешь для них, стараешься — и хоть бы в ладоши кто хлопнул! Хоть бы один свин!.. Это и к тебе, Буслаев, относится! Тоже мне трагический подросток! Мефистофель из детского сада!

«Буслаев? Откуда она знает мою фамилию?» — удивился Мефодий, торопливо пытаясь припомнить, не встречал ли он девчонку в школе или во дворе. Да нет, едва ли. Версия же, что он мог попросту не обратить на нее внимания, отпадала сразу. Такие броские и масштабные особы не прячутся за горшком с кактусом, хотя порой и отсиживаются где-нибудь в темном уголке

поточной аудитории, листая на коленях модный журналчик.

Подошедший лифт натужно распахнул дверцы. Боров стал с силой проталкивать в него Мефодия. Тот попытался вырваться и заработал хороший тычок кулаком сзади по ребрам.

— Ты кого бьешь, подставка для лысины?! Ты вообще в курсе, что я с тобой сейчас сделаю? — мрачно спросила Улита, и двери лифта захлопнулись гораздо быстрее обычного.

Боров оглянулся.

— Машину он твою изувечил? — продолжала Улита. — Да, ксерокс недоделанный? Отлично! Так я еще добавлю!

Не откладывая своей угрозы, она дунула на ладонь. Со двора отчетливо донесся звук бьющегося автомобильного стекла. Жалуясь на судьбу-судьбинушку, заплакала сигнализация.

— Пуф! Ой-ой-ой, какой вандализм! — ужаснулась Улита и дунула на ладонь еще раз. На этот раз — судя по звуку — досталось лобовому стеклу.

Мефодий не испытал почему-то ни малейшего удивления. Он только подумал, что, если бы Улита вместо того, чтобы подуть на ладонь, сделала движение, которым ловят брошенные ключи, и при этом волнообразно повела плечами, как в индийских танцах, машину сплющило бы так, как если бы на нее с Крымского моста спрыгнул бегемот-самоубийца. «Магия движения» — так это, кажется, называется. Подумав об этом, Мефодий слегка удивился собственной осведомленности.

Зато боров был просто в шоке. Он с недоверчивым ужасом взглянул на Улиту, а затем, буксируя за собой сопротивляющегося Мефодия, кинулся на улицу. Осколки

стекла только-только перестали прыгать по асфальту. Сирена уже не выла, а лишь тихо всхлипывала. Лицо борова три или четыре раза поменяло цвет. Он был и напуган, и растерян, и взбешен. Все смешалось в доме Облонских.

— Это ты... это все ты, дрянь! Я знаю! — зарычал он.

Пепельная девица, лениво вышедшая вслед за ними, поморщилась и коснулась длинным ногтем ушной раковины:

— Утихни, дуся! Не искушай меня без нужды возвратом нежности твоей! Проще говоря, заткни фонтан!

— ЧТО?! Ты... ты!.. Я тебя прикончу!

Улита пожала плечами:

— Поменяй звуковую плату, гражданинчик! Говорить, конечно, нужно вслух, но не настолько же! Ну я, не я — какая разница? Стоит ли вдаваться в детали? С философской точки зрения это все такой мизер!

Быку показали новую красную тряпку. Боров отшвырнул Мефодия и шагнул к Улите. Его выпуклые глаза стали злобными и бессмысленными, словно в них плескался целый батальон инфузорий-туфелек.

— Я... Да ты...

— Спокойнее, папаша! Инфаркт не дремлет!.. Ого, меня, кажется, собираются убивать на месте! Может, поцелуешь перед смертью, а, дядя Дездемон? Как насчет огневой ласки? И обжечь, и опалить? А, старый факс? Или батарейки сели? — лениво поинтересовалась Улита.

— Да ты понимаешь, с кем связалась?! Кого дразнишь?! Да я из тебя душу выну! — захрипел боров.

— Ах, если бы было что вынимать... — вздохнула Улита.

В глазах у нее, как показалось Мефодию, мелькнула непонятная грусть. Но это продолжалось совсем недолго, до тех лишь пор, пока боров, накручивая себя, не

прохрипел самую заезженную и истертую фразу из когда-либо звучавших:

— Ты не знаешь, что я с тобой сделаю!

— Звучит многообещающе, пупсик! А я уж подумала, что ты любишь только малолетних избивать! — хрипло промурлыкала девица и внезапно, хотя Мефодий готов был поклясться, что она не сделала и шага, оказалась совсем рядом.

Ее полные руки с какой-то леденящей силой легли несчастному жениху на плечи.

— Давненько мне не признавался в любви никто из живых! Как ты относишься к женщинам-вамп? Надеюсь, они в твоём вкусе? — спросила Улита со странной многозначительностью.

Пухлые губы раздвинулись. Боров ощутил, как слепой, дикий ужас наполняет его тело.

Что было там, за губами, Мефодий не заметил, но автоманьяк захрипел и как-то сразу морально обмяк. Он стал похож на свинку, к которой в загончик пришел задумчивый мясник с ромашкой за ухом. Обворожительно улыбаясь, Улита притянула его к себе, настойчиво и глумливо требуя поцелуя, на что жертва факса отвечала лишь жалким скулежом.

— Смотри, Меф! Похоже, в Датском королевстве не все ладно, — хихикнула она, обращаясь к Мефодию. — Всякий раз, как я пытаюсь его поцеловать, он начинает дрожать. Перестань греметь костями, я сказала! Эта прозаическая деталь меня угнетает! Ты что, оглох, не слышишь?

Автоманьяк удрученно проблеял, что слышит. Мужества в нем оставалось не больше, чем сока в пустом пакете.

— Тогда запомни еще кое-что на случай, если мы когда-нибудь встретимся. Правило первое: мне не хамят.

Правило второе: мои просьбы надо воспринимать как приказ, а приказ — как стихийное бедствие. Правило третье: мои друзья — это часть меня, а меня не обижают... Правило четвертое... Впрочем, четвертое правило ты нарушить не сможешь, потому что не доживешь до этого момента! Пошел прочь!

Улита брезгливо разжала руки. Боров обрушился на крыльцо и, не теряя времени, на четвереньках побежал к машине. Не прошло и десяти секунд, как мотор взревел, и изувеченный автомобиль потащился со двора с резвостью контуженой черепахи.

Мефодий повернулся к Улите. Его не покидало ощущение, что он влип. Реальность выцветала как старая газета, а на ее место решительно проталкивалась локтями полная фантазмагория. Сюррик в духе Сальвадора Дали.

— Бедолага! Я его понимаю! Наблюдать, как у ведьмы выдвигаются глазные зубы, зрелище не для слабонервных. И это при том, что чистым вампиризмом я никогда не увлекалась — просто встречалась с одним вампиром и обучилась технике. Она не очень сложная — основной вопрос в изменении прикуса.

— И долго это?

— Да нет, не особо. Выдвигать зубы я научилась месяца за два! Вначале занудно было тренироваться, а потом ничего, — сообщила пепельноволосая. — Ну! Будем знакомы!

Улита протянула руку, и Мефодий с нерешительностью коснулся ее пальцев. Он почему-то ожидал, что ладонь ведьмочки будет холодной, но она была теплой и, пожалуй, ободряющей.

— Мефодий! — сказал он.

Улита кивнула:

— Да знаю я, знаю... Хорошо хоть, ты не сказал «Мефодий. Мефодий Буслаев!». Один мой знакомый типчик в очочках, у которого сейчас «большая лубоф» с некоей русской фотомodelью, представился бы именно в такой последовательности.

— Ты меня знаешь? — удивился Мефодий.

Улита прыснула. Мефодий уже заметил, что она с удивительной быстротой переходит от одного настроения к другому — если не находится одновременно во всех.

— О, мы уже на «ты»! Что может быть лучше «ты»? Тычь мне на здоровье куда хочешь! Идет?

— Идет, — сказал Мефодий.

Он снова почувствовал себя неуютно. Не каждый день тебе попадают дамочки-вамп и просят им тыкать.

— Я знаю тебя, Мефодий, и очень хорошо. Мы наблюдали за тобой каждый день твоей жизни. Но лишь теперь, когда тебе больше двенадцати, ты можешь узнать правду о себе. До этого момента твое сознание просто не выдержало бы ее. Ты мог бы умереть от ужаса, едва узнав, кто ты и зачем пришел в этот мир, — важно продолжала Улита.

«Ничего себе заявленьице!» — кисло подумал Мефодий. До сих пор он был уверен, что пришел в этот мир без всякой особенной цели. Типа: «Привет! Я загляну?»

— А ты? Ты не умерла от ужаса? Ты же ведь не намного меня старше? — спросил он без иронии.

Лицо Улиты стало вдруг серьезным и печальным. Словно боль, которую невольно причинил ей своим вопросом Мефодий, заставила ее на миг снять маску.

— Я особый случай. У меня не было выхода. Меня проклинали сразу после рождения. Причем проклинал тот, чье проклятие имело особую силу... Но не будем об этом, —

сказала она и отвернулась, показывая, что разговор закончен и данная тема дальше развиваться не будет.

— Ты пришла специально, чтобы защитить меня от этого типа? — уточнил Мефодий.

Улита взглянула на то место, где совсем недавно стояла машина, и расхохоталась:

— Ты серьезно? Защитить тебя, самого Мефодия Буслаева, от этого слизняка? Чего-то я не врублюсь: это такое хи-хи в духе ха-ха?

— Но он же был сильнее. И вообще он какой-то злобный, — пожал плечами Мефодий.

Улита фыркнула:

— Злобный? Он? А ты что, очень добрый, что ли? Кто первый начал шины протыкать? И насчет того, кто сильнее... Бред! Запомни с этой минуты и до склероза: физическая сила ничто в сравнении с силой ментальной! Ты и сам справился бы, если бы слегка поднапрягся. Само собой, ты еще не владеешь своим даром, но это не означает, что его нет. Просто сегодняшний вечер был благоприятен для моего появления. Смотри, сколько совпадений! Псих, который хочет вышибить из тебя мозги. Отражение луны в луже, которое ты гоняешь глазами, как мяч. И наконец, твой сон, о котором ты недавно вспоминал.

Мефодий поежился. Его неприятно поразило, что Улита знает про лужу и про сон. Он оглянулся на пустой двор, на дверь подъезда, из которой и в которую уже очень давно — как ему казалось — никто не выходил и не входил. Довольно нелепо, особенно если учесть, что в этот час газоны у дома наполняются собачниками.

«Странно... Очень странно! Можно подумать, что все это подстроено. Как в театре», — подумал он.

Мефодий заметил, что молния куртки у Улиты расстегнута примерно на треть, а наружу выбилось необычное украшение — серебряная сосулька на длинной цепочке. Он мельком подумал, что если Улита сейчас попытается застегнуть куртку, то перерубит цепочку молнией. У Зозо такое бывало не раз, не считая того дурацкого случая, когда Эдя случайно проглотил ее сережки, которые она положила в вазочку с конфетами.

Машинально Мефодий протянул руку, чтобы поправить украшение, но, коснувшись серебряной сосульки, зачем-то задержал ее в пальцах. Он внезапно заметил, что сосулька ведет себя крайне странно: меняет форму, цвет, пытается растечься у него по руке, облечь ладонь, как перчатка, а внутри у нее загорается нечто неуправляемое, похожее на тлеющий в пустой черной комнате огонек сигареты.

— Эй, ты что там делаешь с моей курткой? Типа, раннее взросление и все такое? — хихикнула Улита.

Она опустила голову, но, увидев, что именно держит Мефодий, пронзительно завизжала. Мефодий удивленно отпустил украшение. Он был потрясен. Ему казалось, что ведьма, с таким искусством отфутболившая борова, вообще не может так визжать, тем более по таким пустякам. Улита издала еще две-три трели, а затем, тяжело дыша, отступила на шаг назад.

— Ты что? Это же дарх! — сказала она с ужасом.

— Ну и что? — спросил Мефодий.

— Как что? ДАРХ!..

— Ну и?.. — спросил Мефодий.

— Ты не понимаешь, что это такое?

— Не-а! Сосулька?

— Да ты с ума сошел! Трогать дарх!.. Вот так запросто взять и потрогать чужой дарх! Псих! Чокнутый! —

Теперь, когда Улита слегка успокоилась, в ее голосе за страхом определенно угадывалось восхищение.

— А что это за дарх? Зачем он нужен? Я думал, просто побрякушка на цепочке и всякое такое, — не понял Мефодий.

— Дарх — это не побрякушка. Дарх — это дарх... Не знаю, как объяснить... Но то, что ты сделал, опаснее, чем если бы ты потрогал гремучую змею!.. Понял?

— Приблизительно, — кивнул Мефодий.

— Скажи, ты долго держал его?

— Да нет, недолго! Ну, секунды три, ну пять, — прикинул Мефодий.

— Пять секу-унд? — протянула Улита. — Но это же дико больно!

— Тебе больно? Прости! — извинился Мефодий.

— Да не мне! Тебе должно было быть дико больно! Ты должен был кататься по земле и пытаться отгрызть себе руку, чтобы новой болью как-то заглушить ту, первую! Это же МОЙ дарх, понимаешь? А трогал его ЧУЖОЙ, то есть ты! Причем голыми руками: не посохом, не мечом, не магией. Руками! Соображаешь? Дарх можно снимать только с поверженного врага, и то не срывать, а срубать его, перерезать цепочку! И ты ничего не чувствовал?

— Нет... Ну почти. Во всяком случае, больно это не было, — уточнил Мефодий, честно пытаюсь вспомнить, что он испытывал. Любопытство — да, но явно было что-то еще. Что-то азартное и слегка злое. Нечто вроде того, что он чувствовал, скажем, когда ему удавалось раздавить на стекле муху.

— Хм... Великий Мефодий Буслаев! Тогда я, пожалуй, понимаю, почему... — начала Улита, но, спохватившись, сменила тему: — Ну не важно... Перейдем к делу. Я пришла к тебе не совсем сама... То есть пришла-то я сама, но

меня прислали. Кое-кто хочет встретиться с тобой лично. Как насчет завтрашней ночи? Скажем, в час?

Мефодий встревожился. Он был современный подросток, а современный подросток многие вещи делает на автомате. Например, не слишком доверяет незнакомым. И уж тем более не идет неизвестно куда по первому зову для встречи вообще непонятно с кем.

Улита, казалось, читавшая его мысли, прекрасно поняла его опасения. Ведьмочка подняла голову, прищурилась и неопределенно дунула в пространство. И сразу же Мефодий ощутил, как холодные пальцы сомкнулись на его сердце. Невидимая ледяная змея через кровь скользнула в его мозг. А в следующий миг ноги Мефодия сами собой сделали несколько шагов. Он с ужасом уставился на них — ноги больше ему не повиновались. Они служили чужой воле.

— Вот так! — удовлетворенно сказала Улита. — А теперь так!

Она подняла руку на уровень своего лица и, ухмыляясь, пошевелила пальцами. Мефодий обнаружил, что его собственная рука повторяет тот же жест — поднимается и шевелит пальцами.

— А ну прекрати! Прекрати! Я не хочу! — крикнул он.

Он попытался насильно опустить свою руку, схватившись за ее запястье другой рукой, но коварная ведьмочка вдруг поднесла обе свои руки к шее, схватила себя за горло и начала его сжимать. Причем делала это явно халтурно, хотя и с утрированными ужимками висельника.

Мефодий захрипел. Перед глазами расплывались пятна. Он душил себя сам и ничего не мог с этим поделать. Причем, в отличие от коварной Улиты, которая сжимала

свое горло еле-еле, собственные руки душили Мефодия крайне ответственно.

Только когда Мефодий, почти задохнувшись, упал на колени, Улита, смилостивившись, отпустила свое горло.

— Ну все. С тебя хватит. Получай обратно свои руки и ноги, — сказала она. Ведьмочка улыбнулась, тряхнула пепельными волосами, и Мефодий вновь получил контроль над своим телом. Кашляя, он поднялся и, с недоверием посматривая на свои руки, стал растирать горло.

— Зачем ты это сделала? — спросил он.

— А затем! Я только хотела показать, что пожелаю я, то доставила бы тебя на эту встречу и без твоего согласия. Даже самой противно, до чего я иногда бываю мерзкая! Прodelать такую штуку с самим Мефодием Буслаевым! — томно сказала Улита.

— А вот и нет! Не доставила бы! — произнес Мефодий просто из упрямства.

Улита зевнула:

— Да, милый, да... Хоть ты и чудовищно силен в магическом смысле, опыта у меня все же больше. Я бы могла заставить тебя сделать все что угодно. Скажем, подняться на крышу и ласточкой прыгнуть вниз. И не просто сигануть, а хохотать в полете и петь песенку про храбрых летчиков...

— Перестань! Какая муха гуманизма тебя укусила? — хмуро спросил Мефодий.

— А никакая. Это я к тому, что завтрашняя встреча с тем, кто меня послал, является для тебя добровольной. Тебя никто не вынуждает никуда идти. И вообще встреча нужна не столько мне, сколько тебе. Ты же хочешь наконец узнать, кто ты такой? Хочешь научиться владеть твоим собственным даром? Поверь, ты гениальнее меня в магическом смысле в несколько раз! Из твоей магии —

после соответствующего развития и огранки, разумеется, — можно выкроить десяток таких ведьм, как я... Хотя, конечно, они не будут такими же милыми. Шарм не мертвяки, его на кладбище не накопишь, — подумав, уточнила Улита.

К утверждению девчонки, что у него большие магические способности, Мефодий отнесся с недоверием. «Она что-то путает! Из меня маг — как из живого слона затычка для ванны!» — подумал он не без сожаления.

— А кто тебя послал? С кем я должен буду встретиться? — спросил Мефодий.

Улита вопросительно вскинула глаза, точно стараясь рассмотреть что-то в воздухе. У Мефодия возникло ощущение, что они здесь не одни, что с ними рядом, в пустоте двора, есть еще кто-то — грозный и незримый.

— Нет. Я пока не могу тебе этого сказать. Он... он сам тебе все скажет. Ты придешь?

Мефодий быстро взглянул на нее. Свечение вокруг Улиты было размыто-розовым. Нормальное такое, спокойное свечение. Обычно ложь со стороны похожа на черную дыру. Человек замыкает свои контуры, инстинктивно старается не распространять никаких энергий и этим верно себя выдает, даже если внешне держится спокойно, как профессиональный игрок в покер. Похоже, Улите можно верить. Хотя бы до каких-то пределов.

«Ее энергетическое свечение какое-то очень уж непринужденное. Возможно, она поняла, что я что-то в этом соображаю, и приняла меры», — подумал Мефодий, не чуждый разумной подозрительности.

— Я подумаю. Он — ну этот, которому я нужен, — сам ведь не может ко мне явиться? — спросил он.

— Он может все. Ты даже не представляешь, как много он может! — убежденно и даже с восторгом заявила

Улита. — Но, увы, гора не ходит к мудрецу на чашечку чая. Придется мудрецу самому ловить такси и ехать к горе. А теперь кое-какие детали. Назовем их кислой прозой жизни. Ты хорошо знаешь Москву?

— Ну... — начал Мефодий.

— Разумеется, плохо, — перебила его Улита. — Большинство москвичей скверно знают свой город. Исключение составляют таксисты. Итак, завтра мы ждем тебя на старом Скоморощьем кладбище. Место выбрала не я, так что не взыщи, если звучит мрачновато.

Мефодий поежился:

— Как-то не тянет меня на кладбище!

— Не волнуйся! Могилы не будут открываться, и мертвые с косами не прервут свою дрему. Все будет чин чинарем. Мы ж не в дешевом кино. Да и кладбища там давно нету. Там стоит обычный дом... *Почти* обычный дом, если быть откровенной. Наш офис, наша резиденция, наш особняк — называй его как хочешь. Скоморощье кладбище под фундаментом, да и то сомневаюсь, что, кроме пары черепов, там что-то осталось, — успокоила его Улита.

— Это где? — с большим сомнением спросил Мефодий.

— В центре города. И одновременно чудовищно далеко от Москвы. Видишь ли, когда в игру вступает пятое измерение, картина мира резко меняется. Далекое нередко приближается, а ближнее отодвигается. Например, Камчатка и Кремль оказываются почти в одной точке, а от твоей ноздри до глаза нужно неделю ехать на поезде... Напрасно смеешься. Я, конечно, преувеличила, но не так сильно, как тебе кажется.

— Странно... Я думал, магические здания строятся где-то далеко, на островах в океане, в горах, в лесу, а тут прямо в центре города! — удивился Мефодий.

— Видишь ли, это по необходимости. Черным и белым магам хорошо. Их магия никак не зависит от лопухов. Но мы-то стражи! Когда-нибудь — и даже очень скоро! — ты сам во всем разберешься, и тогда — хе-хе! — бесцельно прожитые годы запинаят тебя, как стадо страусов. Итак, завтра в час ночи мы ждем тебя! — повторила Улита.

— А раньше нельзя? Сомневаюсь, что мать меня отпустит. В час ночи у нее на меня другие планы. Я должен лежать под одеялом и видеть во сне, как исправляю оценки, — сказал Мефодий.

Улита посмотрела на него с состраданием:

— Станный ты человек... Магической силы в тебе столько, что напрягись ты чуток — и на месте твоего квартала будут дымящиеся развалины. У меня сил куда как меньше, и то ты сам видел, что я творю! Пожелай ты уйти — никакая мать тебя не удержит. Да ты ее одним взглядом прикуешь цепями к скале, как Прометея!

— А если я не хочу приковывать мать цепями? Тебе это в голову не приходило? — недовольно поинтересовался Мефодий. Он терпеть не мог наезды, затрагивающие родственников.

Улита на секунду задумалась, сунула руку в карман куртки и достала маленькую шкатулку.

— Держи! — Она сунула ее Мефодию.

Мефодий взял. Шкатулка оказалась странно тяжелой для своего размера. На крышке был двусмысленный и пугающий рисунок. На первый взгляд он казался безобидным — виноградные листья разного размера и пара гроздей. Но чем дальше смотришь, тем отчетливее осознаешь, что никакие это не виноградные листья, а чье-то злобное лицо с выпученными глазами.

— Не заморачивайся, это так... древний исландский дух, который убивает воров и любопытных. Для тебя он не страшен, если ты в самом деле Меф Буслаев, а не какой-нибудь однофамилец. Внутри ты найдешь камень, а на дне шкатулки увидишь руну. Попытайся изобразить точно такую на полу своей комнаты... Как чем? Камнем! Только смотри не ошибись, а то ничем хорошим это не закончится. Когда руна будет готова — ее контуры запылают. Тебе останется шагнуть внутрь, и спустя мгновение ты окажешься у нас. Уловил суть? Сделай это завтра ночью после полуночи. Но не раньше...

— И все? — спросил Мефодий.

— А что, тебе мало? Поверь: плохо нарисуешь руны — мало не покажется, — усмехнулась Улита.

— А что произойдет?

— Да ничего не произойдет. Не будет ни вспышки, ни грохота. Все тихо и мирно. Но то, что от тебя останется, придется сгребать в гроб совковой лопатой. А где хохот в зале? Эй, Кисляндий Ануфриевич, изобразите хотя бы улыбку, а?

— Я улыбаюсь мысленно, — мрачно сказал Мефодий. — А что делать со шкатулкой?

— Что хочешь. Положишь в нее обратно камень или можешь насыпать медных денег, и тогда они превратятся в золото. Если тебе нужно — оставь себе. У меня еще такая есть! — отмахнулась Улита.

— А кто ее сделал, шкатулку?

— Как — кто? Британские гномы! Они охотно отдают нам свои изделия в обмен на небольшое количество консервированного лопухоидного счастья. Правда, лопухоиды становятся чуть печальнее, но им это только на пользу. Магщество до посинения пишет протесты.

Мефодий хмыкнул:

— Вы что, торгуете с гномами?

— Ты не представляешь, как бедным гномикам одиноко под землей. Они целыми днями торчат в кузницах, ищут в толще гор драгоценные камни, а вечерами воют от безделья, как нефтяники в тундре. Неудивительно, что консервированное счастье идет у них на ура.

Мефодий открыл шкатулку. На дне лежал небольшой прозрачный белый камень, внутри которого клубился белый нечеткий туман. Рядом с камнем перекатылся темный морщинистый плод, смахивающий на чернослив.

— А это зачем? — спросил он.

— Где? А, я и забыла! Это харизма с харизматического дерева! Полведра таких умыкнули из Эдемского сада для одного нашего клиента. Так... крикливый политик, который продал нам свой эйдос. Ну я и прикарманила парочку. Собиралась съесть, а потом решила, что у меня и своей харизмы довольно... Оставь себе!

— А-а! — протянул Мефодий. Он очень смутно представлял себе, что такое харизма, но решил не спрашивать. К тому же Улита деловито взглянула на несвежие ночные тучки и неожиданно заторопилась.

— Ну все! До встречи, великий маг! Будут проблемы — вопи! — насмешливо сказала она.

Ведьмочка подмигнула Мефодию, повернулась и быстро пошла прочь. Дойдя до угла дома, она обернулась, махнула рукой и просто-напросто растворилась в воздухе. Не было ни ослепляющих искр, ни заклинаний телепортации, ни перстней, ни волшебных палочек — ничего... Все произошло мгновенно и эффектно. Стражи Мрака предпочитают обходиться без лишних движений и картинных жестов. Истинная сила — в экономии сил.

Озадаченный, Мефодий добежал до того места, где только что стояла Улита. Он не обнаружил никаких следов — ни выжженных пятен на асфальте, ни острого запаха серы. Ничего примечательного. Валявшийся же на газоне старый мужской башмак сорок третьего размера, завистливо кусавший мир отклеившейся подошвой, явно не содержал в себе ничего потустороннего.

Пытаясь переварить случившееся, Мефодий медленно побрел в подъезд. «Ее послал кто-то, кто чего-то хочет от меня. Этот кто-то безусловно маг, причем чудовищно сильный. Пожелай он оказаться в эту секунду рядом со мной — он бы сделал это и без Улиты. Значит, ему важно, чтобы я пошел на встречу по доброй воле и встреча произошла бы именно там, в том доме на месте Скоморошьевого кладбища», — размышлял он, поднимаясь в лифте.

Эдуарда Хаврона, разумеется, дома не было. В этот час он еще ловил чаевые на скромную наживку из брутальной внешности в совокупности с разумным хамством. Это был именно тот «коктейль Молотова», на который особенно западали офисные дамочки, посещавшие «Дамские пальчики». Зозо Буслаева, успевшая поплакать над своей женской судьбой, давно смыла всю косметику и теперь с аппетитом ела трофейный торт, с хрустом заедая его соленым огурчиком. Вкусовые пристрастия Зозо были неожиданными, как если бы она находилась в состоянии вечной беременности.

— Чего ты так долго? — спросила она сына.

— Да так... Слушай, почему ты назвала меня Мефодием?

Зозо наморщила лобик:

— Мефодием... А, вспомнила! Когда мы шли тебя записывать в загс, твой папашка собирался назвать тебя Мишей. Миша Буслаев и все такое. По дороге мы с ним поругались, он вскочил в маршрутку и уехал, а я назло ему, когда заполняла бланк, записала тебя Мефодием. Знаешь, как твой папашка потом прыгал, когда я показала ему свидетельство о рождении! Все собирался сменить тебе имя, да так и не собрался. Смешно, правда?

— Очень смешно, — хмуро сказал Мефодий. — Но почему именно Мефодием?

— Не знаю почему... Как-то само в голову прыгнуло. Миша на «М», Мефодий на «М»... Ну ты же на меня не обижаешься, киска? Ты доволен? — спохватилась Зозо.

— Киска доволен и счастлив! — подтвердил Мефодий и ушел в комнату.

Он ощутил вдруг огромное раздражение. Такое, что боялся даже взглянуть на обои и на предметы в комнате, смутно опасаясь, что они сейчас запылают. Вместо этого Мефодий выключил свет, подошел к окну и стал смотреть во двор, на подсвеченный прожектором мусорный контейнер, казавшийся сверху крошечным, как спичечный коробок.

— Отлично! Сейчас проверим, есть у меня магическая сила или нет! — сказал он себе.

Он решил, что если сумеет вызвать огонь с такого большого расстояния, то это действительно докажет, что у него есть дар. Он сосредоточился. Попытался представить себе мусорный бак вблизи. Вот пакеты, вот связанные шнурками лыжные ботинки, гордо возвышающиеся над россыпью всякого хлама, кукла без головы, старые деревянные плитусы, скомканная рекламная газета...

Мефодий напрягся. Раз за разом он воображал, как огонь воспламеняет газету, а уже с нее перекидывается

на плитусы. Бесполезно. Ничего не происходило. Мефодий устал и отчаялся. «И с чего это я решил, что там есть деревяшки и газета? Ничего же не видно! Да и вообще Улита меня с кем-то перепутала! Во мне магии меньше, чем в тухлом яйце!» — решил он, разглядывая в окно бак.

Ему стало безразлично, есть у него магическая сила или нет. Какая разница, в конце концов? Сознание опустело и стало точно стеклянным. И именно в этот миг внутренней опустошенности Мефодий увидел вдруг пляшущий огонек, возникший неведь откуда и скользнувший по стреле его взгляда. Он удивленно моргнул и тотчас успокоился, поняв, что это был, скорее всего, размазанный по небу свет далекого прожектора, облизывающего асфальтовую змейку МКАД.

«Ну вот! Никакой магической силы!» — удовлетворенно подумал Мефодий.

Он задернул шторы, разделся и лег спать. Он уже спал, когда над мусорным контейнером поднялся дымок.

Крашенные плитусы разгораются долго. Вначале пламя лишь потрескивало, но вскоре пылал весь контейнер. Горели даже лыжные ботинки и пакеты с пищевым мусором. Уже под утро, когда мусор прогорел и первые этажи дома окутались жирным чадом, приехала пожарная машина и долго стояла у контейнера, беззвучно мигая проблесковым маячком.

* * *

Мефодий проснулся около восьми. Проснулся без будильника, но с неприятным ощущением, что школу никто не отменял. Их комнатой владело сонное царство. Из-под одеяла торчали пятки Эди Хаврона, вернувшегося под утро. Попробуй какой-нибудь безумный составитель

ребусов найти между пятками великого официанта семь отличий, он тронулся бы от перенапряжения, потому что отличий было только два. Одна пятка была розовее и чуть более гладкой, на другой же была маленькая родинка, и она чаще вздрагивала во сне.

«Эй, ты, новенький, не толкай меня подносом! Заляпаешь костюм — получишь коленкой по романтике!» — отчетливо сказал Хаврон во сне, обращаясь к невидимому собеседнику.

Его вельможная сестра Зозо Буслаева спала на раскладном диванчике под пледом, побитым молью и годами.

— Меф, позавтракай чем-нибудь и иди куда-нибудь! В школу там!.. — томно сказала она из-под одеяла.

— Чем позавтракать? — спросил Мефодий.

— Чем хочешь. И умоляю, не угнетай меня бытом! Умоляю! — попросила Зозо и перевернулась на другой бок.

Она надеялась вновь увидеть сон, в котором скромный молодой миллионер, ежась от любви, застенчиво распахивал перед ней дверцу белого «Мерседеса».

Мефодий перекусил рыбной нарезкой и тортом — остатками вчерашней роскоши — и отправился в школу. Подходя к школе, он не без сожаления отметил, что школа стоит в целостности и сохранности. Все профессиональные и непрофессиональные террористы ночью обошли ее стороной.

В дверях школы торчал шестнадцатилетний лоб с трогательной фамилией Кровожилин, сам себя назначивший на ответственную должность дежурного, и проверял сменную обувь. Субъекты без сменки получали от Кровожилина подзатыльник. Зато всех счастливых обладателей сменки великодушный Кровожилин награждал мощным

пинком. Просто для исторической справедливости стоит отметить, что сам Кровожилин тоже был без сменки, но это уже лишняя деталь, которую нужно гнать от прозы, как барана от новых ворот.

В результате небольшая толпа семи- и восьмиклассников стояла в стороне, терпеливо дожидаясь, пока ветер перемен унесет Кровожилина покурить за школу.

У Мефодия возник соблазн еще раз проверить свой магический дар. Он издали уставился на Кровожилина и сосредоточенно подумал: «Прочь отсюда! Сгинь! Провались!» Однако Кровожилин и не подумал никуда проваливаться, оставшись равнодушным ко всем внушениям. Лишь минут пять спустя разошедшийся Кровожилин, не разглядев, случайно дал пинка старшекласнику и, избегая возмездия, растворился в пространстве как джинн. Но произошло это без всякого вмешательства магии, а сугубо по внутреннему порыву самого Кровожилина.

«Бесполезно! Я бездарен, как крышка от унитаза! Улита меня и правда с кем-то перепутала!» — и Мефодий грустно толкнул дверь школы.

Мефодий вбежал в класс спустя три секунды после звонка. У химички был суровый нрав. Первыми она любила вызывать именно опоздавших. Однако вместо химички в класс худеющим коlobком вкатилась завуч Галина Валерьевна.

— К сожалению, у Фриды Эммануиловны большое горе. Она не сможет прийти, поскольку находится на операции, — сообщила она похоронным голосом.

Половина класса издала радостный вопль, но, спохватившись, неумело перевела его в сочувствующий вздох.

— У добермана Фриды Эммануиловны случился заворот кишок. Как раз в эти минуты его оперируют, — продолжала Галина Валерьевна. — Но у меня для вас хоро-

шая новость. Мы, как говорил не помню какой мыслитель, не потеряем напрасно ни вдоха нашей драгоценной жизни. Девочки будут отдирать обои в раздевалке старого спортивного зала, а мальчики выкинут на помойку старый линолеум! И последнее. Кто думает, что может справиться с куда более ответственной и интересной работой?

Боря Грелкин поднял руку. Мефодий, сидевший с ним за одной партой и прослушавший вопрос завуча, тоже поднял руку, просто за компанию. Больше поднятых рук не оказалось.

— Чудесно, Грелкин и Буслаев! Школа и Родина гордятся вами! Вы перенесете из подвала в актовЫй зал двенадцать пней — декорации к спектаклю «Ярослав Мудрый», — сказала Галина Валерьевна.

По дороге половина народу, отправленная отдирать обои и выносить линолеум, куда-то улетучилась. Это те, кто поумнее, сообразили, что присутствие все равно никто отмечать не будет. Зато Грелкину и Буслаеву было никак не слинять. Пни никто не отменял, а ответственность была личной.

В подвале, куда их привели, Мефодий долго и мрачно разглядывал пни. Они оказались самыми настоящими и очень тяжелыми. В незапамятные времена у какого-то дурака хватило ума распилить бревно, а потом еще покрыть все распиленные части краской... под дерево. Наверно, для того, чтобы дерево было меньше похоже само на себя.

— Ты чего руку поднял?! — накинулся Мефодий на Грелкина.

— А? — не понял Грелкин.

— Руку, говорю, чего поднял?! — почти заорал Мефодий.

— Кто, я? Я не поднимал!

— Что?! Не поднимал?! А кто тогда поднимал?! — взревел Мефодий, не замечая, как на крайнем пне под его взглядом начинает плавиться краска.

— А разве не ты первый поднял? У меня уши заложены от насморка, — подозрительно принюхиваясь, проблеял Грелкин.

— Придурок! — буркнул Мефодий. Он уже успокоился. Злиться на Грелкина было так же невозможно, как обижаться на пингвина.

Боря осторожно уселся на один из пней и медленно стал жевать извлеченный из сумки банан. Грелкин был печальный толстый молчун. Обычно он обитал на последней парте, с непонятной значимостью грустно поглядывал на окно, где стоял горшок с засохшей фиалкой, такой же жизнерадостной, как и он сам. На большинство вопросов Боря отвечал односложно: «Ну?», «А!», «Не-а». Учителя не хвалили его и не ругали. Даже к доске вызывали редко, предпочитая просто забыть о нем. Одним словом, Боря Грелкин был одним из тех, чьего присутствия одноклассники не замечают даже в самую большую лупу.

— Ты собираешься пни таскать или как? — окончательно успокоившись, спросил у него Мефодий минут через пять. Он вспомнил, что с Борей требуется по возможности говорить мягко, чтобы он не умер от ужаса.

Грелкин задумчиво посмотрел на свой живот и стряхнул с него крошки.

— Мне нельзя ничего поднимать. У меня грыжа выпадала в прошлом году, — сообщил он уныло.

— А почему ты завучу не сказал?

— А она не спрашивала.

Мефодий зажмурился, мысленно досчитал до десяти, чтобы не порвать Борю на десять маленьких идиотов, и стал переносить пни в одиночку. Пни были тяжеленные, и на лестницу их приходилось закатывать, беря каждую ступеньку приступом. Уже с первым пнем он намучился так, что, закатив-таки его в актальный зал, вниз добрал едва живой.

Когда он вновь ввалился в подвал, Боря Грелкин заканчивал задумчиво облизывать пальцы.

— Знаешь, он какой-то странноватый на вкус! Но вообще, глобально выражаясь, дрянь! — произнес Грелкин фразу просто феноменальной для него длины.

— Кто «он»?

— Да чернослив!

— Какой чернослив? — не понял Мефодий.

— Так в рюкзаке у тебя лежал. Твой рюкзак грохнулся с пня, я стал собирать твои учебники, а там — бац! — черносливина. Я ее и слопал. Ты как, не против?

Мефодий медленно соображал. Чернослив какой-то! Он уже наклонился, чтобы взять следующий пень, как вдруг так и застыл в дурацкой позе. Плод с харизматического дерева, который был в шкатулке! Утром перед школой он спрятал шкатулку с камнем в ящик со старыми тетрадами, а плод зачем-то сунул в рюкзак. И вот теперь «фрукт» надежно покоится в животе у Бори Грелкина. Мефодий пристально уставился на одноклассника. Никаких особых перемен с Борей Грелкиным не произошло. Внешне это был все тот же забавный пингвин, но уже чуть более разговорчивый и улыбчивый. Вероятно, основные магические изменения были еще впереди.

Мефодию захотелось огреть Борю Грелкина, но это было так же невозможно, как пинать щенка чао-чао. Бо-

ря так и излучал добродушие. Мефодий плюнул и выка-
тил из подвала очередной пень...

Грелкин погладил себя рукой по животику и произнес несколько трескучих фраз, вдохновляющих на труд. Его обычная слежавшаяся грязно-белая аура быстро сгущалась и насыщалась цветом, невольно притягивая и заряжая тех, чьи энергетические контуры были слабее. Но Мефодию это было по барабану. Энергетические контуры у него были сильные, а в его ближайших планах маячило еще одиннадцать пней.

Глава 3

ДОМ С ВИДОМ НА МРАК

День и вечер прошли бездарно, что было, впрочем, вполне в духе их семейства. Эдя Хаврон торчал дома и, пыхтя, поднимал на бицепс штангу, в паузах не забывая называть Мефодия дохляком и доходягой. От здоровенного потного тела Эди Хаврона пахло конюшной.

— Я в твои годы... кххх... не в пример тем, которые... дурак, короче, ты! — подытожил он, опуская штангу так решительно, что затрещали спортивные штаны.

Его сестрица Зозо Буслаева заперлась в ванной и, включив воду, разговаривала по телефону. Изредка Мефодий слышал, как мать громко и вызывающе хохочет, заглушая даже воду. Этот хохот означал только одно: Зозо состряпывала себе свидание с очередным недопонятым женщинами экземплярком. Мефодий уже сейчас, заранее, готов был поклясться, что это какой-нибудь пересыпанный нафталином болван. Он определял это по напряженному хохоту Зозо, который раздавался вдвое чаще, чем обычно. Чутье подсказывало ему, что собеседник надоел матери до чертиков и она мысленно уже записала его в неликвид.

Мефодий привычно терпел и хохот, и комментарии Эди. Его терпение истощилось лишь тогда, когда Хаврон брякнул:

— Слушай, я понимаю, что ты делаешь уроки! Но не мог бы ты писать помельче, чтобы чернила из ручки измазюкивались не так быстро?

— Хорошо! — послушно сказал Мефодий и тридцать раз мелко написал на последней странице тетради: «Эдя — жирный бегемот, отстой в квадрате!» — Вот так? — спросил он, показывая тетрадь.

— Умница! В самый раз! — одобрил Эдя. Мефодий понял, что он ничего не прочитал и вообще уже отвлекся от своих экономических грез.

«Ха-ха-ха! Вы такой милый! Мне кажется, я знаю вас сто лет! Нет, двести лет! Ха-ха! Конечно, я не имею в виду, что вы такой старый! Для мужчины главное душа... Что вы сказали, простите, главное? Ах, какой вы комик! Просто Петросян Хазанович Задорнов!» — заливалась Зозо из ванной и страдальчески хохотала.

Мефодий провел длинную жирную черту и сунул тетрадь в ящик. Эта бредовая парочка ему осточертела. Он ощущал, что готов распахнуть окно и прямо с подоконника шагнуть на тучку. В этот момент он понял, что обязательно начертит сегодня на ковре ту самую руну со дна шкатулки. Будь что будет, но оставаться здесь дольше он уже просто не может.

Мефодий вспомнил о том, что от него останется, если он неправильно начертит руну, но даже это вдруг показалось не важным. Или он станет магом и удерет отсюда — или пусть его собирают с ковра.

* * *

Настоящие швейцарские часы китайского производства немзыкально и жалко пискнули, изображая полночь. Мефодий, привстав на локтях, терпеливо дождал-

ся, пока они закончат терзать батарейку. Не так давно Эдуард Хаврон пополоסקался в душе и куда-то убежал. Не исключено, что даже и на работу. До утра он точно не появится. Зозо Буслаева металась на узком диванчике. Даже во сне у нее был несчастный вид. Утром ей предстояло встать ни свет ни заря и бежать пять километров, дразня вышедших на прогулку песиков и перепрыгивая через лужи.

С новым поклонником, очеркистом Басевичем из газеты «Вчерашняя правда», она познакомилась на выставке автомобильных покрышек, где творческая личность задумчиво ковыряла ногтем шину «Матадор», смутно надеясь наскрести тему для новой статьи. Кроме работы, Басевич оказался помешанным на здоровье. Ел он только свеклу, вареный лук, капусту и проросшую пшеницу. Иногда пару огурцов и персик. И больше ничего.

«Женщина, которая не выпивает натошак стакан сырой воды, для меня не существует!» — заявил он Зозо в первые пять минут знакомства. Умная Зозо немедленно завершила его, что пьет сырую воду не только натошак, но и вместо обеда, а больше свеклы любит только вареный лук. Сама того не подозревая, она попала в «десятку». На фоне общей любви к вареному луку их сердца устремились навстречу друг другу. К тому же встающая не раньше полудня Зозо, к радости Басевича, оказалась любительницей раннего бега.

Басевич немедленно пришел в радостное возбуждение и, пока многоопытная Зозо размышляла, какой черт потянул ее за язык, заявил ей, что он впервые за свои три неудачных брака видит не легкомысленную самку, укушенную бешеной собакой приобретательства, а настоящую мудрую женщину.

В общем, роман бурно развивался и был прерван на двое суток только неудавшимся опытом с боровом. К счастью, любитель проросшей пшеницы ни о чем не узнал. Примерно в то же время он обжег себе голосовые связки, полоская горло йодом, и двое суток не мог говорить по телефону, а только хрипел.

Но даже и в этом состоянии у него хватило сил накануне вечером позвонить Зозо и прохрипеть, что он завтра в шесть часов утра приезжает на метро, чтобы побегать трусцой под окнами у любимой женщины. Зозо пришлось срочно раскапывать на антресолях спортивный костюм и забирать у Мефодия его кроссовки. Размер ноги у них, по счастью, совпадал.

Мефодий вытащил шкатулку и осторожно открыл ее. Дно шкатулки было залито мертвенным светом. Прозрачный камень полыхал в темноте. Туман внутри вытягивался и пытался сложиться в руну — в такую же, что была изображена на дне. Руна внезапно показалась Мефодию на редкость безобразной. Она была похожа на раздавленного жука, разбросавшего во все стороны полусогнутые лапы. Центр представлял собой окружность.

«Пора!» — решил Мефодий.

Опасливо поглядывая на спящую Зозо, на лицо которой падал голубоватый свет из шкатулки, он торопливо оделся, прокрался на кухню и поставил шкатулку на стол. Протянул руку и решительно взял прозрачный камень. На ощупь он был чуть теплым, но, когда Мефодий, примеряясь к кардиограммным скачкам руны, сделал несколько взмахов в воздухе, камень нагрелся и стал почти обжигающим. Туман внутри превратился в красноватую змейку, которая кидалась на стенки, словно пыталась вырваться.

— Ага! Даже и прикинуть нельзя! Просто монументальное свинство! — буркнул Мефодий и, не давая себе передумать, быстро начертил на кухонном полу руна.

Это было вдвойне сложно, поскольку камень не оставлял на линолеуме никаких следов. Чертить приходилось вслепую. На лбу у Мефодия выступил пот. Мысленно он уже рассыпался по кухне прахом, пачкая сушившуюся рубашку Эди Хаврона, которая белым призраком трепетала на люстре, прикованная вешалкой к изгибу провода.

Мефодий провел последнюю черту и отступил, точно художник, стремящийся обозреть свое творение. Камень постепенно остывал, а затем внезапно — без всякого предупреждения или знака — рассыпался в его ладони мелким стеклянным порошком. В тот же миг руна зажглась. Особенно яркое пламя было на ее похожих на лапы изгибах. Центр же, где Мефодий предусмотрительно начертил большой круг, был гораздо бледнее.

Не дожидаясь, пока руна погаснет, Мефодий осторожно шагнул в ее центр. Он ожидал покалывания, вспышки, боли — чего угодно, но только не того, что произошло. Мефодий вдруг понял, что кухня с синими фотообоями исчезла, а он стоит совсем в другом месте.

По асфальту разбегались небольшие лужицы. Ветер, играя, гонял слюду от сигаретной пачки. Красные глаза светофоров дробились в окнах и витринах. Небо, переплетенное проводами и рекламными перетяжками, было припорошено звездами.

Мефодий обернулся, и сразу же прямо в глаза ему прыгнула табличка «Большая Дмитровка, 13», прикрепленная на углу длинного серого дома, большая часть которого была затянута ремонтной строительной сеткой.

«Ничего себе Скоморошье кладбище!» — подумал Мефодий.

Дом № 13 на Большой Дмитровке, выстроенный прочно, но скучно, уже почти два века таращился небольшими окнами на противоположную сторону улицы. Дом был так безрадостен и сер, что при одном, даже случайном взгляде на него барометр настроения утыкался в деление «тоска».

Когда-то на том же самом пространстве — возможно, и фундамент еще сохранился — стояла церковь Воскресения в Скоморошках. А еще до церкви, прочно погребенная в веках, раскинулась здесь озорная Скоморошья слободка с питейными заведениями, огненными танцами и ручными медведями, которых водили за кольцо в носу, заставляли плясать, а стрельцы подносили им в бадейке брагу. Едва не каждую ночь пошаливали тут разбойные люди, поблескивали ножами, помахивали кистенями, до креста раздевая, а бывало, и до смерти ухаживая подгулявший люд.

Во время грандиозного пожара 1812 года, охватившего Москву с трех концов, церковь Воскресения в Скоморошках сгорела, и вскоре на ее фундаменте священник Беляев выстроил жилой дом. Но не держалось на проклятом месте духовное сословие — будто кости скоморохов гнали его. И двух десятков лет не прошло, выросли здесь меблированные комнаты «Версаль», с закопченным тоннелем коридора, клопиными пятнами на стенах и вечным запахом дешевого табака из номеров. Каждый вечер в меблирашках были попойки, шла карточная игра, а в угловом номере жил шулер, поляк с нафабранными усами, хорошо игравший на кларнете. Жил он тут лет пять — и прожил бы дольше, не подведи его однажды крапленая колода и не подвернись под руку

пьяному вдрызг артиллерийскому майору заряженный револьвер.

Меблированные комнаты «Версаль» помещались на втором этаже, в нижнем же этаже дома № 13 располагалась оптическая мастерская Милька, у которого Чехов заказывал себе пенсне, а с переулка притулился магазинчик «Заграничные новости», где гимназисты покупали папиросы с порохом, шутихи и — из-под прилавка — легкомысленные картинки. По секрету, как бы в оправдание непомерной цены, сообщалось, что карточки из самого Парижа, хотя в действительности ниточка тянулась в Газетный переулок, в фотографию Гольденвейзера — сентиментального баварца и великолепного художника-анималиста.

В советское время дом № 13 вначале был передан гостинице Мебельпрома, а затем в него вселился объединенный архив Мосводоканала. Бодрые архивариусы в нарукавниках делали выписки, а первый начальник архива Горобец, бывший мичман Балтфлота, резал ливерную колбасу на лакированной конторке Милька, умершего в Харькове от тифа в двадцать первом году.

Так — меблированными комнатами, магазинной суетой и лоснящимися нарукавниками — день за днем и год за годом осквернялся забытый алтарь храма Воскресения в Скоморошках, пока однажды на рассвете из глухой стены соседнего флигеля бывшего училища колонновожатых не вышагнули двое.

Один был безобразный горбун. Светофоры отражались в его серебристых доспехах, от чего те казались заляпанными кровью. На поясе, вдетый в кольцо, висел меч без ножен. Меч был странной формы, завершался крюком с зазубринами, а лезвие покрывали каббалистические знаки.

Другой, приземистый мужчина, мрачный и суровый, как языческий истукан, был черноус, с серебрящейся в бороде сединой. Свободное красное с черными вставками одеяние словно стекало с его плеч.

Стражи Мрака, возникшие столь бесцеремонно, огляделись. На асфальте клочьями лежал туман, пахнущий сырым одеялом. Черноусый вопросительно поднял брови, оглянувшись на горбуна.

— Ну и?.. Я жду, Лигул! — произнес он, с усилием дыша сквозь разрубленный нос.

— Да, Арей. Это тот самый дом. Редчайшее место — здесь сходятся все нужные нам энергические потоки. Все необходимое подготовлено. Я распорядился. Защитная магия, пятое измерение... Комиссионеры и суккубы оповещены. С завтрашнего дня ты начинаешь работу: прием отчетов, отправка эйдосов и так далее. Обычная рутинная деятельность Мрака. Разумеется, в данном случае она будет скорее отвлекающей, однако пренебрегать ею не стоит. Эйдосы на дороге не валяются. О том же, что будет твоей главной задачей, тебе известно, — покровительственно подытожил горбун.

— Отлично. Ну, титан духа и пленник тела, что еще скажешь? До чего еще ты додумался за те века, что мы не встречались? — иронично спросил Арей. Важный тон горбуна его явно раздражал.

— Что предателей не существует, зато есть люди, нравственно приспособленные, — тонким горловым голосом ответил горбун.

— Недурно сказано, мой кладбищенский гений! Ты поэт и философ, возвращенный на хилой почве Канцелярии Мрака. В таком случае Иуда — всего лишь решивший подзаработать интеллигент, остро нуждающийся в горсти сребреников... Но хватит кормить друг друга рагу

из парадоксов. Вернемся к делам. Ты уверен, что время настало?

Горбун вскинул голову. Голос его прозвучал фанатично:

— Да. Все ближе день, когда Свет и Мрак снова сойдутся в битве! И Мрак победит! Маги Света перестанут мешать нам, забьются в свои заоблачные норы, и эйдосы лопухоидов, которые мы вырываем теперь у них с таким трудом, хлынут к нам нескончаемым потоком... Все, что нам нужно, — это последнее усилие!

Арей посмотрел на него с плохо скрываемой насмешкой:

— Я в курсе. Очень мило, что ты напомнил...

Лигул остро взглянул на него. Рука невольно скользнула к бедру, где висел меч.

— Ты ведь ненавидишь меня, Арей? Ты бы с удовольствием снес мне голову, сорвал с меня крюком своего меча дарх и разбил бы его. А все заточенные в него эйдосы забрал бы себе! — прошипел он.

Арей пожал плечами.

— Возможно. И ты ненавидишь меня, Лигул. Мы все ненавидим друг друга. Для Мрака это обычная история. Хочешь, сразимся? Может, тебе повезет больше и именно твой сапог опустится на мой дарх, — холодно сказал он.

Горбун впился в него ненавидящим взглядом. Казалось, на дне его зрачков кипит лава.

— Сейчас сражение между стражами Мрака невозможно. Нельзя убивать своих, пока стражи Света в силе. Но потом я встречу с тобой, и пусть победит сильнейший.

Арей улыбнулся. Зубы у него были квадратные и широкие, благонадежного цвета слоновой кости.

— Зная тебя, я бы сказал: пусть победит подлейший. Не правда ли, Лигул? — уточнил он.

Горбун заскрипел зубами, но справился с собой. Его рука выпустила рукоять.

— Когда-нибудь мы еще вернемся к этому разговору. А пока займись мальчишкой! Двенадцать лет уже прошло. Его дар нужен нам, — сказал он медовым голосом.

— Дар, дар... Нужен Мраку, нужен стражам Света... Насколько я знаю, в Канцелярии до сих пор не определились, в какой мере нам стоит доверять мальчишке. И главное — почему его дар возник. Или я не прав? — усмехнулся Арей.

— Не стоит недооценивать Канцелярию Мрака, мечник... Мы не определились лишь потому, что не хотим делать поспешных выводов. Нас интересует только то, что известно наверняка. Дар мальчишки — темный дар, но он отлично обходится без дарха, что уже само по себе подозрительно. Обходиться без дарха — свойство стражей Света. Ему, единственному из нас, не нужны эйдосы, чтобы поддерживать и увеличивать свою силу. А силы его очень значительны. Он, рожденный в минуту затмения, впитал в себя восторг и ужас миллионов смертных, наблюдавших истинный Мрак. И именно тогда в нем пробудился дар. Он научился, сам того не осознавая, накапливать самые разные энергии: любви, боли, страха, восторга — чего угодно. Он делает их своими и может использовать. Мальчишка работает как огромный аккумулятор магии. Эта сторона его дара нам вполне известна.

— То есть наш милый Мефодий Буслаев биовам-пир? — с иронией уточнил Арей.

Горбун покачал головой, сидевшей на туловище так криво, словно она была нахлобучена в большой спешке.

— Нет. Биовампир — это тот, кто выкачивает энергию, присасываясь к энергетической ауре человека и выпивая ее до капли. Жалкое существо, шакал. Мальчишка же плевать хотел на всякие там ауры, хотя и видит их. Он уникален, он ловит стихийные выбросы энергий. Человек этого даже не замечает. Он выбрасывает свой гнев в пространство, просто чтобы избавиться от него, — и тот спокойненько попадает в кладовые к нашему мальчику, который даже не подозревает об этом. В схватке со стражами Света Мефодий может стать незаменимым бойцом. Он будет выкашивать их десятками, даже златокрылых. Если, конечно, мы сумеем должным образом его подготовить. Страж Мрака, не умеющий владеть своим даром, — ничто. Но опять же — первой задачей Мефодия будут не сражения. Скоро ему исполнится тринадцать, а ты знаешь, где он должен быть в этот день.

— Еще одна мысль, глубокая, как наши бездны, Лигул... Сегодня ты в ударе — изрекаешь прописные истины со скоростью учительницы очень средней школы. Согласись, если бы не подготовка мальчишки, ты отлично обошелся бы без меня?

Горбун ослабился, показав мелкие проеденные зубы:

— Арей, никто не спорит, что ты лучший из бойцов Мрака. Хотел бы я знать, какой способ боя тебе не известен. И ты отлично умеешь передавать свое знание. Но позволь напомнить тебе кое-что. Когда-то ты как будто даже имел отношение к древним богам и языческие народы славили тебя как бога. Затем, уже в Средние века, после той истории, не буду напоминать какой, ты угодил в ссылку. Не забывай, где ты был, пока я не вытащил тебя!.. Неприятное, тусклое, безрадостное место. Кажется, заброшенный маяк на далекой северной скале в океане? Я не ошибаюсь?

Арей угрюмо посмотрел на горбуна.

— Ты не ошибаешься. Ведь именно ты и устроил мне эту ссылку, Лигул. Сам устроил, сам и вытащил. Старый враг надежнее друзей уже тем, что всегда о тебе помнит. И знаешь, что самое забавное? То, что и я не забыл, — негромко сказал он.

Горбун быстро и тревожно взглянул на него:

— Ну-ну, не надо благодарности, старина. Какие тут могут быть счеты? Ты найдешь мальчишку, вступишь с ним в контакт и будешь его тренировать! Он должен стать не просто бойцом Мрака, знающим все штучки, — он должен стать ужасом Мрака, кошмаром Мрака, возмездием Мрака — чем угодно! Эта девица, как там ее... твоя служанка... поможет тебе... Не так ли?

— Улита не служанка! Заруби это себе на... горбу! — негромко сказал Арей.

Лигул побледнел. Удар попал в цель.

— Она хуже чем служанка! — крикнул он. — Она рабыня Мрака. Она была проклята еще во младенчестве, причем родной матерью, которая занималась черной магией. Эйдос у нее забрали, осталась только дыра. По Книге Жизни и Смерти твоя Улита давно мертва. Да девчонку давно должны были точить черви! Непорядок получается, а? Спорить с самой смертью, которая не знает ошибок! Надо было прикончить девчонку, но тут появился ты. Зачем, с какой радости? Даже дал ей какую-то часть своих способностей. Была бы хоть красавица, а то ни то ни се... Мы махнули на это рукой. Какая разница, чем занимается выживший из ума барон Мрака в своем разрушенном маяке.

— Молчи! Не касайся своими грязными пальцами памяти той, чьего ногтя ты не стоишь!

— У тебя ложные представления о рыночной стоимости ногтей, — ехидно усмехнулся горбун. — Да уж, конечно... Старый глупый Лигул! Где ему понять нравственные метания барона Арея, мечника Мрака! Подумать только, какая оригинальная история! Когда-то ты влюбился в смертную, нарушив наши законы, имел от нее дочь и, спасая эту смешную идиллию, наделал массу глупостей... Так много, что оказался на маяке. Волны, камни и ветер должны были промыть тебе мозги. И что? Даже на маяке ты не набрался ума. Спас эту девчонку-лопухоида, которую запутавшаяся мать обрекла на гибель. Интересно, с какой радости? Или она напомнила тебе твою дочь, которую ты не смог спасти? Когда ты наконец усвоишь, что мы бессмертны, а лопухоиды и дети от лопухоидов — это так, расходный материал... Пешки в вечной игре Добра и Зла. Глупая плоть, глина с мерцающим огоньком эйдоса, который невесть зачем залетел туда!

— Ты увлекся, горбун. Может, тебе ради разнообразия пожить своей жизнью?

Горбун замотал головой. В глазах у него появился какой-то сухой, лихорадочный блеск.

— Ну уж нет! Пока что меня устраивает твоя! Я хочу понять! Ну скажи, зачем тебе нужен был тот поединок? Зачем убивать своих, пока живы враги? Разве тебя не учили, что сладкое всегда оставляют на десерт?

— Я мстил тем, кто перечеркнул мою жизнь — прямо или косвенно. И что меня терзает, отомстил не всем. Один еще жив... — глядя в сторону, сказал Арей. Штукатурка соседнего пятнадцатого дома по Большой Дмитровке задымилась от его взгляда.

— Они хотели как лучше, Арей... Они спасали тебя от мерзости быта. Ты сам знаешь, что маги теряют магию, долго общаясь с лопухоидами! Погрязая, как в болоте, в

мелких житейских заботах! Такие стражи потеряны для Мрака. Потеряны навсегда! — убежденно сказал горбун.

— Я не просил Мрак лезть в мои дела! Хватит с вас и того, что я ненавижу Свет! — рявкнул Арей.

— Возможно. Но ты не служишь Мраку всей душой. Ты слишком ценишь свободу — или то, что считаешь свободой. Ты дурак, Арей! Ты не понимаешь, что чистой свободы быть не может. Есть только Свет и Мрак. То, что не Свет, — Мрак. То что не Мрак, — Свет. Никаких полутонов быть не может просто по определению. Нельзя быть злым в добрую полосочку и добрым в злую полосочку! Ты улавливаешь нюансы, Арей?.. Проклятье, что ты делаешь?!

Беседуя с Ареем, Лигул незаметно следил за ним боковым зрением, готовый среагировать при первом же подозрительном движении. Но атаку он все равно пропустил. Даже не понял, была ли атака или Арей применил магию. Горбун только услышал, как лязгнули об асфальт его доспехи. В следующий миг он понял, что лежит на земле, а его же собственный меч ласково, точно бритва, скоблит рыжие волосы на его шее. Изгибом меча Арей подцепил цепочку дарха горбуна и теперь холодно разглядывал торопливо меняющую форму серебряную сосульку.

— А ведь немало эйдосов ты заточил в свой дарх. Я слышал, в последние годы ты предпочитаешь покупать их у комиссионеров, а не отвоевывать в бою? Оно и верно: золото во все века разило лучше булата.

— Битвы между своими запрещены, пока мы не разделаемся со Светом, — прошипел Лигул.

— Мудрый и предусмотрительный закон! Интересно, кто его принял? Уж не ты ли, Лигул? Имей в виду, что запрещение дуэлей всегда приводило к падению

нравов, ожирению и торжеству кошельков! Крови льется меньше — да, но вместо крови льются сопли... Это ты мудро заметил — про жалкое существо. Шакал не лев, и никогда не быть ему царем зверей. Ты шакал, Лигул. Неужели ты думаешь, что сумеешь подчинить себе Мрак?

Арей пошевелил кистью, заставив дарх горбуна покачиваться на лезвии меча, как маятник.

— Подумать только, как просто! Одно легкое движение — и грозный Лигул лишится всей своей магии и станет обычным жалким духом... — задумчиво произнес он. Губы Лигула побелели. — Но меня больше волнует другое, — продолжал Арей. — Я думаю о том единственном эйдосе, о судьбе которого мне ничего не известно. И когда мне приходит в голову, что он может оказаться в твоём дархе, я теряю голову и мне хочется разрубить тебя на дюжину маленьких уродов!

— Я тысячу раз говорил! Я не убивал твою... Я ничего не знаю о судьбе твоей... — начал Лигул.

Рука Арея дрогнула. На щеке у горбуна появилась длинная царапина. Лигул поднял руку, стер со щеки кровь и задумчиво лизнул ладонь.

— Не произноси ее имени! Оно слишком чистое для тебя! Или расстанешься с языком! — тихо сказал Арей.

Горбун поспешно закивал.

— Так ты потому покровительствуешь девчонке, что она напоминает тебе ту?.. Не злись! Имени я, как видишь, не произнес, — заметил он.

— Не твое дело! Подумай лучше о твоём дархе! Как бы тебе его не лишиться! — огрызнулся Арей.

Лигул пожал плечами. Он уже справился с первым страхом.

— Глупая угроза! Ты далеко не святоша. Может, тебе напомнить, скольких ты зарубил и сколько эйдосов в твоём собственном дархе? — спросил он.

— Не стоит. Всех, кого я убил, я убил в честном магическом бою. Я не резал спящих и не убивал ударом в спину. И тем более детей и женщин, — заметил Арей.

— Честный бой? Когда один противник опытнее другого в двадцать раз, разве бой можно назвать равным? Честным он был бы при равенстве сил! — усмехнулся горбун.

— Никто не мешал моим противникам учиться владеть клинком, — пожал плечами Арей.

— Ага... А заодно полторы тысячи лет быть богом войны, участвуя во всех сражениях и битвах, и приобрести тот же опыт... Демагогия это все! — буркнул Лигул.

Арей задумался. Слова Лигула все же поколебали его уверенность.

— Они могли завестись каким-нибудь артефактом! Многие так и делали, — буркнул он.

— Ну вот! Мы вернулись все к той же печке, от которой начинали танцевать. Не можешь победить в честном бою — победи в нечестном, — осклабился горбун.

Арей легко подбросил его дарх и поймал его на повернутый плашмя меч. Цепочка натянулась. Лигул напрягся.

— Помолчи, Лигул! Твои рассуждения мне неинтересны. Забудь об Улите. И тем другим, своим прихвостням, скажи, чтобы забыли. Если с ней что-то случится, им придется искать себе нового горбуна. Ты все понял? — медленно произнес Арей.

Сглотнув, горбун кивнул. Цепочка в последний раз скользнула по изгибу меча.

Лигул тут же вскочил и довольно осклабился. Самоуверенность возвращалась к нему огромными скачками.

— Ты так же хорош, как и прежде, Арей. Я опасался, что ты потерял форму. Но не смею тебя больше отвлекать. Этот дом твой. Мефодий тоже твой. Решай сам, как именно ты будешь обучать его. Мне все равно. Но знай: Канцелярия Мрака не спустит с вас глаз. И не теряй времени. Мефодию скоро тринадцать...

— Этого ты мог бы и не говорить.

Горбун отступил и спиной шагнул прямо в стену дома.

— Тогда до встречи, мечник Арей, барон Мрака! Знай, для тебя это единственный шанс оправдаться после той истории! Или вновь маяк и одни и те же холодные волны — днем и ночью! — донесся его удаляющийся голос.

«Свет для меня слишком скучен, Мрак слишком подл. Возможно, маяк и одиночество это лучший выход!» — подумал Арей.

Когда вскоре, наполняя электрическим гулом соседние переулки, по параллельной улице бодро прокатился первый троллейбус, возле дома № 13 уже никого не было. Однако с того самого утра с домом № 13 стала твориться какая-то чертовщина. Знающие люди плевались и переходили на другую сторону улицы. Вначале начальник объединенного архива Мосводоканала, один из многих преемников бывшего мичмана Балтфлота, неожиданно попал под суд по неприятному финансовому делу, как будто не имевшему к магии никакого отношения. Нагрянула проверка, стучали кулаки по столешницам, заметались сердца, запрыгали под язык таблетки валидола, всколыхнулась вековая пыль. Затем весь архив Мосводоканала подбросило в воздух, завертело, запуржило бумажками и перенесло по новому адресу.

Примерно месяц дом № 13 стоял пустым, и за это время кто-то ухитрился разбить бутылкой стекло на втором этаже и искорежить гвоздем цептеровский замок, вселив в его недоверчивую душу стойкое неприятие ключа. Кроме того, неизвестными средь бела дня были увезены фигурные литые решетки подвала, служившие еще священнику Беляеву и имевшие в декоре элементы креста. Увезены средь бела дня, нагло и с концами. Почти сразу дом снаружи обстроился лесами, обтянулся плотной ремонтной сеткой, и о его существовании странным образом напрочь забыли...

А между тем с этого дня и началась настоящая история дома № 13 по Большой Дмитровке.

* * *

Мефодий довольно долго бродил у дома, пока не убедился, что никто к нему выходить не собирается. Торжественная встреча с хлебом и солью явно отменялась. Либо его не хотели замечать, либо ожидали от него чего-то вполне определенного.

«Ждете в гости? Отлично, я иду!» — с вызовом подумал Мефодий.

Оглядевшись, он поднял строительную сетку и пробрался внутрь, под леса. Дом был покрыт сетью из известковых морщин. Пахло отсыревшей штукатуркой, облезавшей слоями. Цепляя макушкой металлические крепления лесов, Мефодий отыскал дверь — высокую, деревянную, с закрасненным изнутри стеклом, которая запросто могла получить первый приз на мировом конкурсе заурядностей. Она открывалась внутрь, и леса ей, по-видимому, не мешали. Мефодий постучал, а затем толкнул ее раз, другой, третий. Дверь не поддавалась.

— Эй! Это я, Мефодий Буслаев! — крикнул он в щель и услышал, как его голос гулко прокатился по пустым коридорам и комнатам.

Ничего. Ничего и никого. Мефодий начал злиться.

— Вы меня достали со своими тупыми фокусами! Я ухожу! — крикнул он и хотел уже уйти, как вдруг услышал негромкий звук.

Дверь медленно приоткрылась. Слегка, не больше, чем на одну треть, не то чтобы приглашая, но скорее не препятствуя ему войти. Мефодий протиснулся внутрь. Он ожидал, что внутри будет темно. Так и оказалось. Однако темнота не была полной. Он отчетливо различил неширокую площадку с выщербленным паркетом и уходившую вверх лестницу. Дом внутри выглядел заброшенным. Все, что представляло какую-то ценность, было уже вывезено. Лишь белели кое-где на полу брошенные за ненадобностью бумажки и стоял стул без сиденья.

Подчиняясь неясному зову, Мефодий поднялся по лестнице и дважды повернул налево, когда нашаривая, а когда угадывая закругления коридоров. Старый дубовый паркет постреливал под ногами. Где-то скрипела приоткрытая рама.

Остановившись рядом с большой двустворчатой дверью, Мефодий на секунду задумался, а затем решительно толкнул ее. Он увидел круглый стол — неожиданный в этом доме, лишенном мебели. На столе горели две толстые черные свечи, вставленные в глазницы черепа.

И снова никого. Мефодий испытал смешанное чувство суеверного страха и раздражения.

— Свечей я тоже могу назажигать... Черепушку в кабинете биологии раздобуду! Дальше что? Долго мне еще бродить? — спросил он недовольно.

Странная реплика Мефодия возымела неожиданное действие: рядом кто-то расхохотался. Мефодий резко повернулся, но никого не увидел. Лишь осознал вдруг, что к нему летит узкое лезвие ножа. Все заняло считанные мгновения. Он успел только понять, что это смерть. Уклониться было невозможно, но в последний миг, когда лезвие почти вошло в тело, он, не задумываясь и не планируя этого заранее, представил прозрачный барьер. Тонкий, как лист бумаги, прочный, как сталь. Лезвие, звякнув, отскочило, словно ударилось о твердую преграду.

— Недурно. Инстинктивная магическая защита сработала. Если бы это было не так, с парнем вообще не имело бы смысла возиться, — вполголоса сказал кто-то.

Не было ни дыма, ни вспышки, ни запаха серы — просто рядом с Мефодием внезапно возник мужчина. Мефодию он показался похожим на языческого истукана. Широко посаженные глаза, разрубленный нос, усы, борода с сединой. На шишковатый лоб по центру напозла стрелка волос. Дышал он хрипло, с усилием. Зато на полу стоял так уверенно, словно врос в него корнями.

«Ну и запястье у него! Берцовая кость, а не запястье! Такими лапищами только граненые стаканы давить», — подумал Мефодий. Он сообразил, что это и есть тот самый маг, к которому его позвала Улита.

Мефодий не поклонился, хотя на какой-то миг голову его помимо воли попыталась пригнуть неведомая сила. Но он собрался и сумел противостоять. Более того, Мефодий вложил в сопротивление столько силы, что подбородок его, вместо того чтобы опуститься, задрался нелепо высоко. Ощущая неловкость, Мефодий осторожно вернул голову в прежнее положение. Мужчина, от которого ничто, казалось, не могло укрыться, хмыкнул с уважением.

У стола с черной свечой появилась Улита. От прежней Улиты в ней остались только толщина, пепельные волосы и вечная насмешка в глазах — насмешка над собой и над всем миром. Одежда же ее разительно изменилась. Поверх камзола висела перевязь с узкой блестящей рапирой с изогнутым наконечником. Однако Улита не интересовалась привычной для нее рапирой. Она обращала на нее не больше внимания, чем грудной младенец на вставные зубы своей бабушки. Она была занята коробкой шоколадных конфет с ромом, которую держала в руках.

Арей повернулся к Улите и, кивнув на Мефодия, спросил низким тягучим голосом:

— Это тот самый? Я не ошибся?

— Да, Арей. Мефодий Буслаев собственной персоной. Адын штук. Двуй рука, двуй нога, — насмешливо подтвердила Улита, откусывая конфету.

— Колоритный мальчонка. Но сомневаюсь, что он нам подойдет. Какой-то он тощий, взъерошенный. Улита, ты не ошибаешься? Ты уверена, что это действительно он? — сурово переспросил Арей. Однако Мефодию показалось, что тот знает все ответы заранее.

Улита кивнула.

— Именно он, — сказала она стерильным голосом идеальной секретарши, читая по лбу Мефодия как по листу бумаги. — Мефодий Буслаев. Родился двенадцать лет назад в час полного солнечного затмения. Драчлив и вспыльчив. Склонен к великодушию, но мстителен. Имеет неплохое здоровье и сравнительно гибкую психику. Любит поездки.

— Это хорошо, что любит поездки. Это нам полезно. Кто любит поездки — тот полюбит и полеты, — одобрил Арей, деловито потеряв разрубленную переносицу. — А вот что у него с происхождением?

— Происхождение... м-м... Родители нейтралы, из тех, что не горячи, не холодны. Живет с матерью и ее братом. Забавные личности, однако без способностей по нашему профилю, — заявила Улита и заела это печальное известие еще двумя конфетами с ромом.

— Смотри, диатез будет! — предупредил Арей.

— У меня? Да любой диатез сдохнет, один раз меня увидев! Это пусть красавицы мучаются, мне все по барабану: что потоп, что золотуха, что чумные микробы, — заявила Улита.

— О себе расскажешь после. Что у нас еще по Мефодию?

— Влюбчив. В прошлом году три месяца таскался за девчонкой из соседней школы. Следил за ней издали, провожал до дома, прячась за деревьями, но близко так ни разу и не подошел. А потом у девчонки вдруг вспыхнул рюкзак с учебниками. Сам собой! Сублимация желания, должно быть... Вот тут-то, гася огонь, они и познакомились. Правда, великая любовь сыграла в ящик после первой же дюжины реплик. Девчонка оказалась чуть умнее табуретки. Наш синьор помидор был очень разочарован.

Мефодий, ошалевший от явного наговора, хотел перебить, но Улита протянула руку и длинным ногтем легко царапнула его по щеке. Тотчас губы и десны Мефодия одеревенели как от наркоза, а рот повело в сторону.

— Ненавижу, когда меня перебивают, — сказала Улита.

— Что у нашего друга с учебкой? Разумеется, лопуховидные знания ничего не стоят, но все же интересно, с какой скоростью ручеек знаний орошает его извилины, — продолжал допрос Арей.

— С учебкой у синьора помидора неважно. Хвастаться нечем. Хотя некоторые учителя и находят, что способностей не лишен, но...

Жесткие губы Арея растянулись в усмешке:

— Ох уж это «мог бы, но» и просто «но»! Как часто я это слышал! Какое короткое слово, но сколько народу споткнулось о него за все века! Гораздо больше, чем обо все валяющиеся не на месте предметы!.. Дальше, Улита! Не тяни!

— А что дальше? Вот он — перед вами. Мефодий Бу-слаев. Прошу любить и жаловаться! — пожала плечами ведьмочка.

Арей скользнул по Мефодию оценивающим взглядом. Мефодий ощутил себя словно на громадных весах.

— Хм... Ну не знаю. Ну а как он тебе лично? — спросил Арей.

— Я просто обожаю этого мальчугана! Он такой симпатяга! С кашей бы съела, да каши жалко, — усмехнулась Улита.

— Улита, перестань! Твои шуточки меня утомляют, — поморщился Арей.

— Я еще и не начинала. Только разогревалась.

— УЛИТА!

Голос Арея почти не изменился, не стал громче, однако в нем точно зазвенел колокольчик, и оба — Улита и Мефодий — это ощутили. «Осторожно!» — сказал себе Мефодий. Улита перестала глотать конфеты и поспешно склонила голову в поклоне:

— Простите, барон!

Мефодий взглянул на нее с удивлением. Неужели это в самом деле барон? А если нет, то почему она так назвала его?

— Ты уже говорила с ним об обучении? — продолжал Арей, явно и, вероятно, намеренно не обращаясь к Мефодию.

— Не-а. Он знает об этом меньше, чем курица о яичнице-глазунье, — вновь смелая, сказала Улита.

Мефодий не выдержал. Стоять в стороне и слушать, как о нем говорят в третьем лице, словно о какой-то козьявке, было не в его правилах.

— Ага, я понял! Вы вроде магов из идиотских книжонок о школах волшебства! Типа, сказал «*трубодырус*», взмахнул палочкой — и пошел дождик! — с вызовом сказал он, обнаружив, что рот его уже оттаял.

Он был уверен, что сморозил полную чушь, однако Арей и Улита с тревогой переглянулись.

— *Трубодырус*? М-м-м... кажется, в элементарной магии действительно встречалось что-то эдакое. Вот только про волшебные палочки я давно не слышал. Мне чудилось, что маги отказались от них еще в Средние века, в эпоху насланного бешенства на артефакты, — морща лоб, задумчиво произнес Арей.

— Может, мы опоздали и элементарные маги уже вышли с ним на контакт? — с тревогой спросила Улита.

Арей быстро взглянул на Мефодия. Тот не успел отвести взгляд. Когда их глаза встретились, Мефодию показалось, что его мозги превратились в лед. Лед, сквозь который опытный страж Мрака легко видит самую суть.

— Нет, — лениво помотал головой Арей. — Ложная тревога! На контакт они не выходили. Он ничего не знает.

— А как же *трубодырус* и сведения про школы?

— Не заморачивайся! — отмахнулся Арей. — Заурядный агентурный сброс. Обычные протечки в литературу секретных сведений. Напомни мне завтра утром, чтобы

я послал в Канцелярию заявку на плановые инфаркты у писателей. Надо хорошенько проредить нашу агентуру. Напомнишь?

— Да, барон. Обязательно, — сказала Улита и внезапно появившейся ручкой сделала себе пометку на ладони. Памяти она явно не доверяла. Самый маленький карандаш лучше самого большого склероза.

Арей кашлянул. И этим кашлем словно поставил точку, показывая, что именно теперь, от этого самого места и начнется серьезный разговор.

— Видишь ли, Мефодий, школ у нас нет. Тибидохсы и Магфорды существуют только у элементарных магов. Мы же представляем другую силу. Регулярный набор учеников и их обучение не входит в наши планы. Хотя порой — в исключительных случаях — мы тоже вынуждены брать учеников. Однако их немного. Сотни учеников в тысячелетие хватает нам за глаза. К тому же реально из них остается одна десятая часть. Но даже и эти десять оставшихся не знают о существовании других, ибо мы никогда не сводим учеников вместе. Наше обучение индивидуально, — сказал он.

— А почему остается одна десятая? Не нравится им у вас? Уходят? — с вызовом спросил Мефодий. Хотя он и ощущал страх перед Ареем, его все же тянуло дразнить барона Мрака, испытывая границы дозволенного.

Арей мрачно ухмыльнулся.

— Уходят. Туда и туда! — он показал глазами вверх и вниз.

Внезапно поняв, что он имеет в виду, Мефодий сглотнул.

— Ничего не поделаешь, — продолжал Арей. — Обучение стражей Тьмы мало похоже на обучение обычных магов. У нас нет контрольных и оценок. Нет сочинений,

изложений, пересказов и домашних заданий. Мы не зубрим заклинаний и не варим декокты из мозолей мегеры и одолень-травы. Мы тренируем стража, причем исключительно опасными методами.

— Почему опасными? — спросил Мефодий.

— Потому что играем с теми силами, которые не признают игры вполсилы или понарошку. Нельзя понарошку бросить в раскаленную лаву, понарошку проклясть или понарошку разрубить двуручным мечом. Пресловутый драконбол, который считается опасным спортом, просто детская забава в сравнении с нашими тренировками. Для нас лучше, чтобы страж Мрака не дожид до конца обучения, чем провалил задание и опозорил нас перед стражами Света, нашими врагами.

«Ничего себе шансы остаться в живых! Один к десяти... С другой стороны, эта девчонка Улита смогла как-то выжить. Что я, хуже?» — подумал Мефодий, испытывая гремучую смесь чувств, которую обычно называют «и хочется, и колется».

— И вы хотите, чтобы я стал вашим учеником? — спросил он.

— Что-то в этом духе. Учеником-практикантом, наемным сотрудником, боевым магом — кем угодно. Мне плевать на слова, важна суть. Считай, что я взял тебя на работу. Ты будешь делать то же самое, что я и Улита. В свободное время я буду обучать тебя сражаться, срезать дархи и осваивать истинную магию, которая есть в тебе изначально. Главное — пробудить ее. Это может пригодиться тебе в дальнейшем. Разумеется, если ты останешься в живых, чего лично я тебе не обещаю.

— А если я откажусь? — спросил Мефодий.

Улита с тревогой посмотрела на Арея.

— Откажешься — значит откажешься. Мы уважаем свободу выбора. Она является главным и обязательным правилом игры. Не существуй этой свободы хотя бы в теории, наша битва со стражами Света, которая ведется уже целую вечность, была бы изначально лишена смысла, — холодно сказал Арей.

— Значит, я могу уйти? — спросил Мефодий.

Арей с иронией посмотрел на него:

— Легко. Мы сотрем тебе память о сегодняшней встрече и отпустим. Другое дело, что рано или поздно твой дар все равно измучит тебя. С таким даром нельзя жить спокойно, поверь мне, а отнять его у тебя не в силах никто. Даже я. Разве что вместе с жизнью, что опять же, повторяю, противоречит правилам. Но если хочешь — вновь возвращайся в свое убожество. Устраивай мелкие гадости поклонникам матери и таскай мелочь из карманов у Эди.

— А у вас что, мелочь таскать не придется? — поинтересовался Мефодий. Осведомленность Арея ему не нравилась, хотя уже не удивляла.

— Разве что по зову сердца. Магия сделает тебя независимым, во всяком случае — от денег. А теперь мне нужен твой ответ: «да» или «нет».

Мефодий заколебался, барахтаясь в объятиях искушения. Призрак удачи, одетый в черный фрак с манишкой из сбывшихся желаний, манил его к себе холеным пальцем. На другой чаше весов лежали надоевшая до тошноты школа и крошечная комнатка на окраине, в которой Зозо и ее чудаковатый братец увлеченно портили друг другу нервы на поле квартирных баталий. Интересная жизнь в таком антураже представлялась Мефодию сомнительной.

— Хм... Эдьке-то все равно, но воображаю, как отнесется к этому моя мать. Она не замечает меня, когда я есть. Но когда меня нет — это она очень даже замечает... — буркнул Мефодий.

— Твою маман я беру на себя. Обещаю, она согласится. Мы будем действовать вежливо, но жестко. Завтра утром ей позвонит один из наших комиссионеров и уладит все вопросы. Могу даже обещать, что мы обойдемся без зомбирующей магии и подобных штучек, — сказал Арей.

— А кто такой комиссионер? — спросил Мефодий.

Услышав вопрос, Улита не сдержалась и рассмеялась. Надкусанная конфета у нее в пальцах брызнула ромом.

— Комиссионер? А ты разве не... В любом случае ты не много потерял! С этими пройдохами еще познакомишься! — едва выговорила она сквозь смех, но сразу замолчала, поймав взгляд Арея.

— Минуту, Улита! — оборвал ее барон Мрака. — Прежде чем ты продолжишь болтать, я желаю услышать от синьора помидора фразу: «По доброй воле, без принуждения я хочу служить Мраку!» Простенький такой, коротенький текст. Никакой казуистики, никаких излишних самопроклятий, все четко и по сути. Ну!

— По доброй воле, без принуждения я хочу служить Мраку! — повторил Мефодий.

Сказал и вдруг увидел, что слова, произнесенные им скороговоркой, почти бездумно, вдруг вспыхнули в воздухе огненными буквами.

Арей нетерпеливо махнул рукой, подул, и буквы растаяли.

— Отлично! Похоже, где надо услышано и принято! — одобрил он. — Если возражений нет — тогда еще один небольшой ритуал. Опять же, все только по сути!

Обойдемся без ржавых иголок и пергаментов... На колени!

В руках Арея возник тяжелый двуручный меч с извилистым лезвием. Закругление для срезания дархов на конце было едва заметно.

Мефодий встал на колени. Меч коснулся его щеки, обжег ее точно льдом и опустился на плечо.

— Я, мечник Арей, барон Мрака, бог войны, беру тебя, Мефодий Буслаев, в ученики и оруженосцы. Я стану учить тебя всему, что знаю, и опекать, пока смерть не разлучит нас... — возвышая голос, отчетливо произнес Арей.

— «Пока смерть не разлучит нас...» Хотела бы я, чтобы и надо мной стражи Мрака имели власть только до смерти... — с завистью прошептала Улита.

Глава 4

БУДНИ ЭДЕМСКОГО САДА

Котик Депресняк выглядел как ходячая укоризна. Его мама была аккуратной и милой эдемской кошечкой, а папаша — сбежавшим из Мрака кошаком-монстром с кожистыми крыльями, хвостом с зазубриной, красными глазами без век, когтями и клыками, с которых капал яд. Когда его прогоняли из Эдемского сада, два слабонервных стража рухнули в обморок, а третий, хорошо поцарапанный, долго принимал противоядие. Депресняк, плод этого короткого союза, унаследовал если не все лучшие черты своего папочки, то уж самые яркие точно.

Он был голый, без единой шерстинки, красноглазый, со складчатой кожей и перепончатыми белыми крыльями, на которых просматривались все артерии и вены. Ходячий биологический атлас потусторонних существ — и к прочим достоинствам явный биовампи́р. Взяв его на колени на минуту, можно было лишиться хорошего настроения на неделю. Кошмарнее, чем его внешний вид, был только его же характер. Депресняк задира́л кого придется, вплоть до каменных грифонов, а число его шрамов было сопоставимо только с его же ста двадцатью острыми зубами, росшими у него в три ряда. Правого уха он лишился в драке, левое же было разодрано